

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ПУГАЧЕВ И ЕГО СООБЩНИКИ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

1773

Николай Дубровин

**Пугачев и его
сообщники. 1773 г. Том 1**

«Центрполиграф»

1884

УДК 94(47.06)
ББК 63.3

Дубровин Н. Ф.

Пугачев и его сообщники. 1773 г. Том 1 / Н. Ф. Дубровин —
«Центрполиграф», 1884

ISBN 978-5-227-08751-5

Н.Ф. Дубровин – историк, академик, генерал. Он занимает особое место среди военных историков второй половины XIX века. По существу, он не примкнул ни к одному из течений, определившихся в военно-исторической науке того времени. Круг интересов ученого был весьма обширен. Данный исторический труд автора рассказывает о событиях, произошедших в России в 1773–1774 годах и известных нам под названием «Пугачевщина». Дубровин изучил колоссальное количество материалов, хранящихся в архивах Петербурга и Москвы, и документы из частных архивов. Для восполнения недостатка информации и полной характеристики событий и хода восстания, автор использовал неизданные документы и, конечно, следственное дело над Пугачевым и его сообщниками. Изначально труд был издан в трех томах, но для удобства читателей информация поделена на две книги, условно разделенные на 1773 и 1774 годы. Том первый, 1773 год.

УДК 94(47.06)
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-08751-5

© Дубровин Н. Ф., 1884
© Центрполиграф, 1884

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Николай Дубровин Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. Том 1. 1773 год

Правило неоспоримое, что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, а особливо от поставленных над ними начальников и правителей: но нельзя инаково сего достигнуть, как только добрым учреждением внутренних распорядков и всех государственных и судебных правительств.

Манифест 15 декабря 1763 г.¹

По неизданным источникам

¹ Полное собрание законов (далее – ПСЗ). № 11989.

Предисловие

События, произошедшие внутри России в 1773–1774 годах и известные под названием «Пугачевщины», имеют весьма обширную литературу. Над изучением этой эпохи трудились многие лица: одни писали самостоятельные исследования, другие же сообщали материалы, извлеченные не только из столичных, но из губернских и областных архивов. Хотя большинство этих материалов разбросано по периодическим изданиям и газетам, преимущественно губернским, тем не менее исследователь всегда найдет возможность пользоваться ими, в особенности при указании, где и какого рода материалы он может найти.

Во многих статьях встречаются неточности и ошибки. Несмотря на обилие печатного материала, в нем недостает, однако же, весьма многого для полной характеристики событий и хода восстания. Эти пробелы пополняются документами еще неизданными, и, конечно, всего более следственным делом над Пугачевым и его сообщниками, делом весьма обширным и до сих пор недоступным для большинства исследователей. Получивши разрешение пользоваться этим делом, я старался, сверх того, собрать и другие сведения, относящиеся к Пугачевскому бунту, хранящиеся почти во всех архивах Петербурга и Москвы. При этом не могу не принести моей глубочайшей благодарности лицам, содействовавшим мне в собирании материалов: академикам Я.К. Гроту и А.Ф. Бычкову, сообщившим несколько документов из частных архивов; начальникам архивов Министерства иностранных дел: Московского – барону Ф.А. Бюллеру и Петербургского – барону Д.Ф. Стюарту, также Н.А. Гюббенету и И.Я. Морошкину; начальнику Сенатского архива П.И. Баранову, Синодального – Н.И. Григоровичу; архива

Главного штаба – Л.Г. Иванову и военно-ученого – И.И. Ореусу. Не могу умолчать о том радушии и содействии, которые я встречал со стороны лиц, служащих в Императорской публичной и академической библиотеках: В.П. и Б.П. Ламбиных, А.А. Невельского и С.О. Балтармайки, которых я весьма часто беспокоил своими справками и требованиями. С чувством глубочайшей благодарности я вспоминаю о покойном начальнике Московского архива Главного штаба Г.Н. Александрове, всегда подававшем руку помощи при разысканиях в архиве, ему близко и хорошо известном. Он не только указывал на дела, в которых могли быть отыскиваемые сведения, но сам рылся в бумагах, снимал с них копии и спрашивал, не нужны ли документы хотя и не относящиеся прямо, но могущие иметь значение в изучаемом событии. Все это он делал безвозмездно, из одной любви к науке, при плохом зрении и удрученный тяжкими болезнями.

Только при обязательном содействии вышеупомянутых лиц я мог изложить события в том виде, в котором они являются в настоящем труде.

Глава 1

Несогласия в Яицком войске. – Разделение казаков на две партии. – Назначение следственной комиссии. – Генералы Брахвелд и Потапов. – Полковник Полозов. – Генерал Черепов. – Прибытие депутатов Яицкого войска в Москву. – Взгляд императрицы на несогласия среди яицких казаков. – Командирование на Яик капитана Чебышева. – Его деятельность. – Атаман Тамбовцев. – Формирование легионов. – Отказ казаков назначить команду в состав легиона. – Прибытие депутатов в Петербург. – Их просьбы и решения императрицы. – Отправление на Яик капитана Дурново и генерала Давыдова.

В начале 1767 года прибыли в Москву, где в то время находилась императрица, депутаты от Яицкого (ныне Уральского) войска: казаки Петр Герасимов и Иван Бочкарев с товарищами. Они уполномочены были ходатайствовать о принятии правительством мер к прекращению несогласий, возникших в войске от злоупотреблений их атамана и старшин.

Несогласия эти существовали с давних пор², но особенно усилились с того времени, когда в 1752 году Яицкое войско взяло на откуп рыбные промыслы по всему течению реки Яика (Урала), не исключая побережья Каспийского моря, и когда оно приняло на себя сбор с таможен, с вина и тот доход, который получало правительство от продажи соленой рыбы.

Обязавшись платить в казну ежегодно 10 450 руб. 63⁵/₆ коп. откупной суммы, войско на первый раз поручило сбор этих денег своему атаману Андрею Бородину, с тем чтобы он, по окончании года, дал отчет, выгодно ли будет и впредь войску содержать этот сбор?

Откупная сумма собиралась обыкновенно после каждой *плавни*, или рыбной ловли. Таких плавней в году было три: первая, *севрюжья*³, начинавшаяся весной, вскоре после Святой недели, вторая, недели за две до Петрова дня⁴, и третья, *зимняя*, в январе месяце, когда ловят рыбу баграми в прорубях⁵.

Размер платы с пойманной рыбы производился по назначению атамана и бывал различный. По свидетельству казаков, со всех трех плавней собиралось в год более шестнадцати тысяч рублей, не считая доходов с вина и соляного сбора.

Пользуясь безграмотностью большинства, атаман Андрей Бородин употребил во зло доверие войска и в течение трех лет не только не отдавал отчета в собранной сумме, но удерживал у казаков жалованье, уверяя их, что сбора недостаточно для уплаты в казну откупной суммы. Если же «некоторые из казаков напоминали Бородину об отчете, то он многих наказывал за то плетьюми, яко озорников и людей мятежных»⁶.

«Управляющие народом власти, – читаем мы в современной записке⁷, – желая себя обогатить, не токмо общественную сумму расхищали, но и вновь, под видом народных общих нужд, неумеренные и необыкновенные на народ поборы налагали. Лихоимство же и бедным притеснение, тех властей обыкновенное было упражнение, для того что их власть, не имея никаких законов, так безызвестна, что не токмо народ, но и сам начальник границ ее не знает.

² Они изложены весьма подробно В.И. Витевским в его обширном исследовании «Яицкое войско до появления Пугачева» (см.: Русский архив 1879 г.). Мы касаемся истории Яицкого войска настолько, насколько это необходимо для объяснения событий 1773–1774 гг.

³ На эту плавню выезжало обыкновенно тысяч до десяти подвод, и дозволялось ловить только севрюгу и сазанов. Но если попадались осетры или белуги, то их обыкновенно пускали опять в воду, «потому что свежими покупать некому, а в соль неспособны для того, что ржавчина нападает».

⁴ В это время ловят всякую рыбу, какая попадет: осетров, белуг, севрюг, сазанов и сомов.

⁵ На эту ловлю собиралось казаков тысяч до трех.

⁶ Записка капитана Маврина // Памятники новой русской истории, т. II. Подлинник хранится в Гос. архиве, VI, д. № 505.

⁷ Гос. архив, VI, д. № 505.

Сие все народ терпел, покуда ум властей народную глупость затмевал обманами, но как скоро сыскался человек те обманы ясно и очевидно народу истолковать, то они того своего благодетеля и выбрали себе предводителем и защитником».

Таким лицом явился казак Иван Логинов, сначала также желавший обогатиться на чужой счет.

Будучи атаманом в Сакмарском городке, Логинов по своей просьбе был уволен от этой должности и, прибыв в Яицкий городок, просил войскового атамана Бородин и бывших в войсковой канцелярии старшин принять его в товарищество по сбору денег, хорошо понимая, что дело это весьма выгодно для сборщиков. Под предлогом того, что Логинов не имел старшинского звания, Бородин отказал ему. Логинов обиделся, так как считал себя старше и «честнее атамана Бородина», потому что был старшинский сын и природный яицкий казак, а отец Бородина выходец и «барский человек». К тому же Бородин был назначен атаманом по распоряжению Военной коллегии, а не выбран казаками, по их обычаю, и, будучи произведен в подполковники, получил старшинство пред всеми. Такое возвышение Бородина вызвало к нему нерасположение населения, тем более что атаман кичился своим чином и считал себя вправе не соблюдать обычаев казаков и не отдавать в своих действиях отчета войску.

Логинов указывал казакам на злоупотребления войсковой канцелярии в расходовании сумм и порицал действия атамана, говоря, что он определяет в старшины только своих родственников. Бородин запретил Логинову ходить в казачьи круги, называл его дураком и донес Военной коллегии, что Логинов не только в кругах, но и в войсковой канцелярии «его, атамана, и старшин всякими непристойностями поносит, злословит и лучше себя никого не поставляет»⁸.

Узнав об этом донесении, Логинов просил уволить его в Петербург, но атаман отказал, и тогда он ушел в Калмыцкую орду, к ханскому наместнику, бывшему в большой дружбе с его отцом. Там он выхлопотал себе у хана рекомендательное письмо, с которым и отправился в столицу.

Явившись в Военную коллегия, Логинов рассказал обо всех злоупотреблениях атамана и настолько успел расположить к себе лиц, присутствовавших в коллегии, что был произведен в старшины и назначен членом в войсковую канцелярию. «Хотя-де, говорилось в грамоте Яицкому войску⁹, о производимых от них друг на друга жалобах, надлежало произвести следствие, но как коллегия не иное что усматривает только одно несогласие, того для велено его, Логинова, ко исправлению дел с прочими старшинами допустить, а чтоб он был у атамана в надлежащем послушании – в том обязать подпиской».

С этой грамотой Логинов отправился на Яик, но атаман Бородин и его сотрудники, старшины Мостовщиков и Мусатов, все-таки не приняли в товарищество, ссылаясь на то, что Логинов, будучи летами моложе их, как пожалованный указом коллегии, взял бы у них старшинство. Озлобленный новым отказом, Логинов решился стать во главе народной партии и объявить войску, что старшины и атаман ведут дело нечисто и потому не хотят принять его в товарищество по сбору войсковых денег. Привести в исполнение такое решение ему было тем удобнее, что войско находилось на плавне, и, следовательно, как раз наступало то время, когда казакам приходилось платить за пойманную рыбу. Логинов отправил на плавню двух казаков, Андрея Панова и Григория Михалина, с уведомлением, что указом Военной коллегии он пожалован старшиной и в присутствие в войсковую канцелярию товарищем к атаману Бородину, но он его не принимает. При этом Логинов поручил посланным объявить войску, что когда оно будет возвращаться с плавни в город, то не платило бы обыкновенных с подвод сборов, потому что

⁸ Всеподданнейший рапорт Военной коллегии от 31 марта 1763 г. // Гос. архив, XX, д. № 50.

⁹ От 2 мая 1763 г. // Гос. архив, XX, д. № 50.

деньги эти атаманом Бородиным собираются напрасно, и пусть войско потребует от него отчета в прежних сборах, от которых должно быть в остатке много денег.

– Я во всем этом деле буду вам помощник, – говорил Логинов, – надейтесь на меня, и я избавлю вас от несправедливого сбора.

Войско готово было перейти на сторону Логинова, но при возвращении с плавни оно, как и всегда было, остановилось в Кичиговой Луке, верстах в семи или восьми от города. Здесь, по обычаю, казаки собрались в круг для того, чтоб уведомить правителей-старшин о приближении своем к городу и выждать оттуда приказа атамана, по сколько с каждой подводы положено будет сбора. Сюда же приехал Логинов и, войдя в круг, уверял казаков, что платить с подвод им не следует.

– Платеж этот, – говорил он, – положен от старшин напрасно; каждый год сбор этот от них бывает, а отчета в том, куда девают деньги, они не дают.

Случившийся тут сторонник Бородина, старшина Иван Окутин, уверял казаков, что они должны платить по-прежнему, а Логинов уговаривал их не платить ни копейки.

– Я указный войсковой старшина¹⁰, – говорил Логинов Окутину, показывая бумагу, – меня Военная коллегия пожаловала в сей чин, и потому я тебя старше.

Между спорившими произошла ссора, и каждый уверял другого, что он его лучше и честнее¹¹. На другой день приехал в Кичигову Луку войсковой дьяк Матвей Суетин, посланный атаманом Бородиным объявить размер платы с каждой подводы. Опять поднялся спор между им и Логиновым, утверждавшим, что платить не следует.

– Дайте отчет в старых сборах, – говорил Логинов дьяку Суетину, – и, если из них никакого остатка нет и вся сумма в расходе, тогда можно взять у всякого дома из окошка и безо всякого спора. А если прежних сборов еще много в остатке и лежат они безо всякого употребления, тогда сбор этот будет лишний; а как он тягостен войску, то платить его и не следует.

Суетин и Окутин настаивали, чтобы сбор был произведен по-прежнему.

– Не платите ни полушки, – говорил Логинов, обращаясь к казакам, – Бородин один заплатит. Он собрал с войска много лишних поборов и положил их себе в карман, оттого и отчета войску не дает.

Казаки объявили Суетину, что платить пошлыны не будут до тех пор, пока атаман со старшинами не даст во всех сборах отчета. Суетин отправился в городок, а вслед за ним поехал Логинов, и двинулось войско к Наганскому мосту, у которого обыкновенно бывал сбор денег. У моста казаки встречены были атаманом Бородиным со всеми старшинами и поверенными сборщиками. Будучи уведомлен Суетиным, что войско отказывается платить пошлыну, Бородин пригласил с собой священников в качестве свидетелей и, собрав круг, объявил казакам, что сбор обыкновенный непременно заплатить надобно. Казаки отказывались.

– Если не заплатите, – сказал Бородин, – то через мост не пушу.

– Напрасно, Андрей Никитич, – заметил на это Логинов, – вы сбор налагаете...

– Ты, Иван Иванович, – перебил его Бородин, – всему этому причиной, и ты все это делаешь.

– Не я один об этом говорю и не я один спорю, а желает того войско: вот они, спросите их сами.

Казаки зашумели; в толпе поднялся говор.

– Мы вас, Андрей Никитич, все об этом просим, – слышались голоса из толпы, – не отягощайте нас побором и пожалуйста отчет в прежних доходах. Мы все у вас в команде: когда доведется недостаток, так в те поры разложите, и мы заплатим все.

– Вот изволите слышать, – подхватил Логинов, – и я с ними вас о том же прошу.

¹⁰ То есть пожалованный указом Военной коллегии.

¹¹ Показание казака Петра Нечаева // Гос. архив, VI, д. № 505.

Бородин настаивал на своем и, отъехав к мосту, грозил не пустить через него ни одной подводой, пока не будет уплачена пошлина.

– Мы платить не будем, – кричали казаки, – пускай заплатят атаман и старшины, а потом дадут отчет с тех пор, как взяли на откуп учуг (рыбную ловлю) и соляной сбор.

– Я платить за войско не должен, – отвечал Бородин, – да и отчета ни в чем не дам. Войску до этого дела нет; ведь мы, старшины, стараемся об откупе.

Видя, что атаман не уступает, Логинов стал отбирать подписку, что никто пошлины платить не будет. Подписной лист быстро покрывался фамилиями: грамотные подписывались сами, а неграмотные просили товарищей; почти все войско оказалось на стороне Логинова.

– Андрей Никитич, – говорил старшина Миронов, подъехав к атаману, – все казаки согласились с Логиновым и подписываются, чтобы поборов не платить и состоять с ним в единомыслии.

– Ну, делайте что хотите, – отвечал Бородин, махнув рукой, и поехал через мост в городок.

За ним двинулись атаманский и старшинский обозы, не платя ничего в сундуки.

– Если атаманский и старшинский обозы поехали без платы, так и мы поедем, – кричали казаки.

Бросив подписку, войско отправилось в городок; пошлины не были уплачены, и среди казаков начался раздор¹². Войско разделилось на две части, получившие каждая свое название: меньшая партия казаков, державшая сторону старшин, называлась *старшинской*, или *послушной*, а все остальные казаки, приверженцы Логинова, назывались *войсковыми*, или *непослушными*.

Бородин жаловался на непослушных казаков Военной коллегии и писал, что они бунтуют. Он говорил, что причиной тому Логинов, «который нимало себя не смирят и со старшинами везде ссорится», а на последних выборах «необычайно с рундука соскочил, бегал и от казаков руки отбирал, чтоб ехать, но для чего и куда, – неизвестно».

С своей стороны, старшины Логинов и Митрясов в прошении, подписанном многими казаками, доносили коллегии, что Бородин не дает им старшинства, не исполняет указов Военной коллегии, посылает в зимовые станицы одних и тех же казаков и обирает войсковую казну. «По приказу помянутого атамана Бородина, – писали Логинов с товарищами¹³, – Яицкому войску чинятся разные излишние денежные сборы, а сверх того, и имеющийся в Яицком войске соляной сбор, с коего-де получается в год прибыли до 20 000 рублей, он, Бородин, со своими согласниками четвертый уже год содержит в своем ведении и те прибыльные деньги употребляет в свою пользу».

Получив в одно и то же время две совершенно разноречивые жалобы, Военная коллегия 19 марта 1762 года постановила: «Для справедливейшего исследования всего того и обиженным удовольствия учредить при том войске особую комиссию», председателем которой был назначен генерал-майор Брахвельд, и в помощь ему даны: подполковник Ушаков, капитан Киреевский и за аудитора прапорщик Иглеин¹⁴. Брахвельду приказано было строжайше исследовать по всем пунктам жалоб и «производить каждую материю особо, дабы одно с другим смешано не было».

Следственная комиссия не доехала еще до Яицкого городка, когда в Петербурге получено было известие, что междоусобная вражда между казаками разгорается все более и более и что

¹² Показания казаков Сидора Кандалинцева и Петра Нечаева // Гос. архив, VI, д. № 505. См. также: Памятники новой русской истории, т. II.

¹³ Гос. архив, XX, д. № 50.

¹⁴ Всеподданнейший рапорт Военной коллегии от 31 марта 1763 г., № 72. У г. Витевского на с. 211 (Русский архив, 1879, кн. III) сделано совершенно неверное примечание. Нам кажется несколько странным, что автор, без всякого основания, отвергает точное указание С.М. Соловьева и основывается на летописи Рычкова, во многих случаях составленной по слухам.

обе стороны смотрят друг на друга, как на личных врагов. Ставший во главе войсковой партии старшина Логинов зорко следил за всеми поступками Бородина и его товарищей. Называя атамана вором и все приговоры войсковой канцелярии воровскими, Логинов советовал казакам быть очень осторожными и не давать своего согласия на те распоряжения атамана, которые он считал подозрительными. Когда войсковая канцелярия составила ордер о сборе откупной суммы за Гурьевские учуги, то Логинов запретил казакам слушать этот ордер в войсковом кругу.

Бородин снова жаловался Военной коллегии на противодействие ему Логинова и обвинял его в краже у поручика Марычева лошадей, а казаки жаловались на злоупотребления атамана и просили взять в следственную комиссию все приговоры войсковой канцелярии и рассмотреть их.

Военная коллегия оба эти прошения 12 ноября 1762 года отправила к генерал-майору Брахвельду с приказанием исследовать в скорейшем времени и «буде по следствию кто окажется хотя мало подозрительным, онотого тотчас, как от команды, так и от присутствия в войсковой канцелярии отрешить».

Между тем атаман Бородин употреблял все средства к тому, чтобы склонить на свою сторону членов комиссии. Он построил для Брахвельда конюшни, собрал с казаков в пользу генерала рыбу и икру и приказал с каждого десятка доставить для Брахвельда и капитана Киреевского по три воза сена. Угощая и подкупая в свою пользу членов комиссии, атаман не мог справиться только с подполковником Ушаковым, который держал себя в стороне, не ходил к Бородину в гости и не соглашался ни на какую взятку. Поведение Ушакова было причиной, что Брахвельд не мог скрыть всех злоупотреблений, но старался представить их в самом слабом виде. Он донес, что все беспорядки на Лике происходят главнейшим образом от «одного друг против друга властолюбия», от необузданной вольности, ведущей к тому, что каждый рядовой казак желает, чтобы делать так, как ему хочется и как выгоднее¹⁵. Брахвельд писал, что Бородин действительно взял из войсковой суммы 1900 руб. и отдал их своему сыну Федору Бородину и старшине Максиму Пономареву; что комиссия «не безсумнения состоит» в излишнем сборе атаманом за Гурьевские учуги и в употреблении тех денег «якобы на войсковые нужды». «Но, спрашивал Брахвельд¹⁶, как из состоящих в войске Яицком старшин за способного никого не обретається, а которые и есть, те могут, по производящемуся следствию и по счетам, до отрешения дойти, почему в случае отрешения того атамана, кому войско поручить?» Военная коллегия приказала¹⁷, в случае открытия злоупотреблений Бородина, непременно его сменить, и если некого будет выбрать атаманом, то потребовать из Оренбурга исправного и надежного штаб-офицера и дать ему в помощь от Яицкого войска двух человек достойных старшин. Такое распоряжение должно было показаться обидным казакам и вызвать новые беспорядки, а потому Сенат не одобрил распоряжения Военной коллегии и предписал в выборе нового атамана предоставить войску поступать по данным ему грамотам и указам.

Распоряжения эти не были приведены в исполнение. Генерал-майор Брахвельд затягивал дело и явно склонялся на сторону атамана. Он не позволил Логинову ходить в казачьи круги и устранил его от присутствия в войсковой канцелярии, а Бородину запретил только штрафовать и наказывать казаков, но не отрешил его от должности. Производя следствие, Брахвельд часто в присутствии шептался с атаманом, заставлял казаков подписывать свои показания, не давая им прочесть их, а потому подписавшие были уверены, «что не все в тех допросах казачьи речи вписывались». Прапорщик Иглеин часто совещался со старшинами и не скрывал от них показаний казаков. Столь пристрастное ведение дела заставило поверенных от войска,

¹⁵ Донесение Брахвельда Военной коллегии от 7 января 1763 г.

¹⁶ Донесение Брахвельда Военной коллегии от 10 января 1763 г. Гос. архив, XX, д. № 50.

¹⁷ Там же.

старшину Ульянова и казака Черноморского с товарищи, отказаться от участия в комиссии, и следствие по необходимости было приостановлено. Бородин по-прежнему злоупотреблял своей властью, и Логинов, видя бездействие комиссии, решился сам ограничить власть атамана. Поставив свой сундук в соляной конторе, он стал собирать деньги за соленую рыбу и икру. Казаки несли пошлины к Логинову, а не к атаману и решили отправить депутатов в Петербург. Сбрав с каждого человека по 30 коп., они послали в столицу казаков Ульянова и Копеечкина с прошением, в котором изложены были главнейшие пункты злоупотреблений атамана и под которым подписались 2800 человек.

Войско обвиняло Бородина: 1) в удержании за два года пороха и свинца; 2) в невыдаче денежного и хлебного жалованья; 3) в определении в войско сверх положенного числа старшин своих родственников; 4) в дозволении участвовать в рыболовстве таким лицам, которые в казачью службу не употребляются; 5) в излишних денежных сборах¹⁸; 6) в отдаче сызранским купцам, без общего согласия, на откуп кабаков; 7) в невзыскании по указу Камер-коллегии с астраханского купца Туркина за содержание в войсковых дачах рыбных ватаг 4000 руб., коим срок давно уже прошел; 8) в собрании «наглостью своей» с казаков, бывших в командировке, 4000 руб.¹⁹, из коих в 3000 руб. признался, но платежа не учинил, и не признался в тех деньгах, которые взял с казаков, бывших в Гурьевском городке; 9) в непорядочной ловле рыбы в зимние месяцы, под видом отправления к высочайшему двору, в разбивании лучших ятовей и в употреблении той рыбы в свою пользу; 10) в том, что родственники атамана в зимнее время берут для рыболовства не служащих в казачьей службе людей и Бородин раздаст им свои ярлыки с печатями на право рыбной ловли.

В заключение своей челобитной казаки просили дозволить им от каждых ста человек выбрать поверенных таких, которые хорошо знают «существо дела», допустить Логинова к присутствованию в войсковой канцелярии и назначить его депутатом в следственную комиссию; Бородина отрешить ото всех дел и на место его определить наказным атаманом надежного человека по выбору самих казаков. Вместе с тем войско ходатайствовало и о смене генерал-майора Брахвельда и всех членов комиссии и о присылке новых лиц, *обязуясь указать последним, в чем именно подозрительными находятся* Брахвельд, капитан Киреевский и прапорщик Иглеин.

В феврале 1763 года Ульянов и Копеечкин прибыли в Москву и 13-го числа были введены в присутствие Военной коллегии, где изложили все злоупотребления Бородина и членов следственной комиссии. Они говорили, что комиссия явно покровительствует атаману и старшинам, что она не приступала к проверке прихода-расходных книг и не брала их у атамана; что когда казак Кузнецов подал донесение о растрате Бородиным пороха и свинца и просил освидетельствовать запасы, то Брахвельд возвратил ему бумагу безо всякого ответа и не сделал никакого распоряжения. Ульянов и Копеечкин убедительно просили защитить казаков и удовлетворить их просьбам, изложенным в прошении.

Одновременно с этим получено было прошение киргиз-кайсацкого Нуралы-хана, жаловавшегося, что Бородин притесняет его подвластных и причиняет им разорения. Императрица написала на прошении хана: «Если впрямь оный атаман беспокойный человек, то лучше бы было его сменить» – и передала это дело на рассмотрение Военной коллегии.

Последняя не признала возможным допустить Логинова к присутствованию в следственной комиссии и не дозволила выбрать от каждой сотни двух человек депутатов, а предоста-

¹⁸ Как: с севрюжей ловли, с каждой подводы (коих бывает тысяч до десяти) по 1 руб. 80 коп. в осеннюю плавню с рыбацких связок (коих бывает сот до пяти) по 4 и по 3 руб. в обыкновенное багренье, чрез 7 лет, в каждый год, с каждого казака по 3 руб., по 2 руб. 50 коп. и по 2 руб.; да с севрюг же с каждой сотни, кроме обыкновенного сбора, излишних по 10 коп. и с икры с каждой бочки по 1 руб.

¹⁹ В 1758 г. с тысячи человек, бывших на Сибирской пограничной линии, по 3 руб. с каждого и в 1759 г. по 1 руб. с каждого казака, бывшего на Нижне-Яицких форпостах.

вила каждому казаку, самому за себя, представлять о своих обидах. «Но дабы то следствие, по дальнему отсюда расстоянию, в переписках долговременно продолжиться не могло... а паче в рассуждении того, чтобы по легкомыслию то войско, яко люди недовольно право знающие, не учинили бы между собой каких нечаянных ссор», коллегия, в заседании И марта 1763 года, определила отозвать генерал-майора Брахвельда и всех членов комиссии из Яицкого городка. На место Брахвельда командирован был находившийся при монетной экспедиции генерал-майор Иван Потапов, в помощь которому назначены: войсковой атаман Оренбургского войска Могутов, того же войска один надежный старшина, один штаб-офицер, два обер-офицера и аудитор из Оренбургского гарнизона.

Потапову поручено было разобрать по пунктам все претензии казаков, освидетельствовать запасы пороха и свинца, запечатать денежную казну и поверить прихода-расходные книги. Производя следствие, по сущей справедливости и без всякой «поноровки» на ту или другую сторону, Потапов должен был прежде всего отрешить Бородину от присутствования в войсковой канцелярии, Логинова за самовольный сбор с соленой рыбы и икры арестовать, и «как ему, Логинову, так атаману Бородину и прочим старшинам, кои отрешены будут, ни в какие войсковые дела и советы, ни под каким видом отнюдь, впредь до решения следственного дела не вмешиваться и в круги не ходить». Для удержания войска в повиновении и на случай ареста и содержания виновных под караулом, генерал-майору Потапову секретным ордером разрешено было потребовать из Оренбурга воинскую команду, «но однако же оное чинить с крайним осмотрением и довольным рассуждением, дабы напрасно людей походом не изнурить, а взятием команды тому Яицкому войску к какому бы непристойному рассуждению причины не подать».

Запретив Потапову вмешиваться во внутренние дела войска, коллегия возлагала это на наказного атамана. И хотя указом Правительствующего сената и велено в выборе атамана «поступать по данным им грамотам и указам непременно», но вследствие несогласий, в каких находились между собой многие старшины, сотники и казаки, Потапову приказано было от Военной коллегии²⁰ выбрать из Оренбургского войска исправного старшину и определить его наказным атаманом.

Этим последним решением коллегии депутаты были обижены и от имени войска просили дозволить им самим выбрать атамана. «Из приложенной челобитной, – писала императрица князю Трубецкому²¹, – усмотрела я, что яицкие казаки недовольны тем командиром, который им от Военной коллегии дан, и представляют, что то учинено против их привилегий и в противность сенатского определения, которым определено выбрать им наказного атамана из их общества. Того ради изволь о том справиться, и если то подлинно учинено против их привилегий и им принадлежит выбор командира, то дайте им по воле выбрать кого захотят».

Желание императрицы не было исполнено вполне, и Потапов, прибыв в Яицкий городок, признал необходимым временно удалить от дел атамана Бородина и его помощников: старшин Ивана Митрясова и Андрея Мостовщикова. Для временного управления войском он избрал есаула Оренбургского войска Углецкого, которому поручил исправлять должность атамана, и в помощь ему назначил дьяка Суетина и старшину Алексея Митрясова. Вместе с тем генерал-майор Потапов, собрав казачий круг, приказал выбрать от войска 40 человек поверенных, которые бы могли доказать виновность старшин. Познакомившись с положением дел, путем расспросов обеих сторон и поверкой книг и денежных расходов, Потапов признал, что казаки войсковой партии правы и что нет никакой возможности оправдать атамана и старшин. Представив свое заключение на утверждение Военной коллегии и прося о смене должностных лиц,

²⁰ В определении 11 марта 1763 г. // Гос. архив, XX, д. № 50.

²¹ В собственноручной записке от 9 мая 1763 г. // Архив канцелярии военного министерства, Высочайшие повеления, кн. № 51/55.

Потапов спрашивал войско: кого пожелает оно иметь своим атаманом – Суетина или Митрясова? Тогда Логинов и Копеечкин от имени войска заявили, что атаман им не надобен, а просят только определить в присутствии с войсковой стороны казака Осипа Федорова, племянника Логинова, надеясь, что он не изменит войску и будет следить за старшинами Суетиным и Митрясовым. Зная Федорова как человека молодого и опасаясь, чтоб он не внес еще больших раздоров, Потапов долгое время не соглашался и уступил только неоднократным и усиленным просьбам казаков. Определив Федорова в войсковое присутствие и отъезжая в Петербург, Потапов говорил казакам, что до решения Военной коллегии он оставляет им вместо атамана премьер-майора Казанского драгунского полка Романа Новокрещенова, присланного с командой в Яицкий городок для производства переписи. Новокрещенов тотчас же сошелся с прежними и новыми старшинами, в том числе и с Федоровым, надеявшимся при содействии майора сделаться атаманом. Отделившись от выбравшей его войсковой стороны и не слушая советов дяди своего Логинова, Федоров соединился с Суетиным и Митрясовым и вместе с ними, под покровительством майора Новокрещенова, стал делать войску разные мелочные притеснения.

Между тем, получив донесение Потапова, Военная коллегия постановила атамана Бородину и его помощников, старшин, лишить занимаемых ими должностей и чинов и впредь ни в какие должности не выбирать; взыскать с них третью часть удержанного ими у казаков жалованья²². Вместо отрешенного атамана Бородина приказано было выбрать «вольными и согласными» голосами трех кандидатов, имена которых представить Военной коллегии, а заведывание делами, до утверждения нового атамана, поручить выбранным из старшин и казаков. Вслед за тем высочайшим указом, состоявшимся в декабре 1765 года, повелевалось выдать удержанное жалованье *домоседкой команде* и впредь выдавать таковое²³, запрещалась самовольная рубка леса, подарки «знатным персонам» и наемка казаков на службу. «При всяких от войска командированиях, – сказано в указе, – наряды в службу отныне впредь старшинам и казакам чинить по очереди, не обходя никого, для того, чтобы все казаки воинской службы практику действительно знать могли, годными к службе были». На обязанность атамана и старшине возложено было два раза в год осматривать служащих казаков, их оружие и лошадей, вести им точные списки и, в случае экстренных командировок, когда требовался вполне надежный командир, «невзирая на очередь, командировать по распоряжению войскового атамана и старшин, а не по выбору войсковому, ибо до сего казаки начальников себе выбирали таких, которые попустительны и делают то, что казакам угодно».

Указ не допускал никаких излишних поборов с войска. Откупную сумму велено было прежде всего пополнять из кабацких, весовых и соляных доходов, и только в случае недостатка этих денег дозволялось прибегать к сборам, но и те производить без излишества, с согласия всего войска, наблюдая общую пользу. Собранным деньгам должна быть ведена самая тщательная и подробная отчетность.

Такое распоряжение правительства произвело на казаков двоякое впечатление и было впоследствии причиной новых волнений на Яике. На сколько казаки были довольны отрешением должностных лиц и вообще результатами следствия генерал-майора Потапова, на столько же они были недовольны тем, что атаману предоставлялось право назначать командиров без выбора и согласия казаков. С другой стороны, войско было озадачено указом Военной коллегии, по которому, вместе с отрешением старшин, велено было: Логинова сослать в Тобольск, Копеечкина написать в солдаты, а 40 человек поверенных, выбранных по требованию Пота-

²² По постановлению Военной коллегии старшину Мостовщикова велено было, не лишая чинов, отставить от службы, а войскового дьяка Суетина написать в есаулы.

²³ Домоседною командой назывались те казаки, которые по своим обязанностям не могли ездить на рыбную ловлю.

пова, наказать палками и отправить в Гурьев городок на службу, без очереди и без обыкновенной помощи, за то, «что они явились в некоторых недоказательствах против своих доносов»²⁴.

Такое решение дела, хотя и не было исключением в то время, когда обвинительные акты составлялись обыкновенно низшими и малообразованными чиновниками, показалось весьма обидным казакам, тем более что майор Новокрещенов привел в исполнение только ту часть указа, которая касалась наказания казаков; все же, что касалось старшин, оставлено было им без исполнения. Войско неоднократно обращалось к Новокрещенову с просьбой отрешить судей и прочесть им весь указ, но подкупленный старшинами майор долгое время уклонялся, сек просителей плетью и, наконец, «соскучившись слушать такие просьбы», приказал войску собраться у своего дома для слушания указа. Выйдя на крыльцо со всеми старшинами, Новокрещенов прочел указ «через два в третий», так что собравшиеся в числе более 500 человек казаки не могли понять ни слова. Они ясно видели, что майор прикрывал старшин, потворствовал им и, вместо того чтобы подвергнуть виновных взысканию, предложил собравшимся избрать в атаманы дьяка Суетина²⁵.

– Отчего вы не выбираете в атаманы Суетина, – спрашивал Новокрещенов по прочтении указа, – чем он вам не люб?

– Суетин не может войску сильно милым быть, – отвечали казаки, – он еще и штрафа своего не заслужил, да мы думаем, нет ли на нем по конфирмации еще денежного штрафа, о котором ты не объявляешь.

– Денежного штрафа на нем нет, – говорил Новокрещенов, – а наложенный Военной коллегией штраф он заслужил.

– Нет, не заслужил еще, – отвечали казаки, – по означенной конфирмации велено Суетина за оказавшуюся по следствию Потапова вину написать в есаулы на год, а он в этой должности был не более четверти часа.

Новокрещенов настаивал на том, чтобы войско выбрало Суетина атаманом, но казаки отказывались, шумели и роптали на действия майора.

– Чего ты усиливаешься, – говорил казак Семен Скачков, выйдя из толпы и обратясь к Суетину, – ведь и так немало войско тебя кормило.

Новокрещенов приказал арестовать Скачкова и заступившихся за него казаков Мирошихина, Выровщикова, Плишкова, Кандалинцева, Истомина и некоторых других. Представив Военной коллегии, что казаки бунтуют и не слушают указа, Новокрещенов, не ожидая ее распоряжения, самовольно отправил всех арестованных, с их женами и детьми, в ссылку в Тобольск. Оскорбленное таким поступком, войско послало от себя поверенных в Петербург с жалобой на действия Новокрещенова и на его явное потворство старшинам. Военная коллегия командировала на Яик полковника Полозова, который разбирал их дело порядочным образом, и войско было им довольно, но, напротив того, старшинам он был в тягость. Он сменен был генерал-майором Череповым, командовавшим войсками в Оренбурге.

Полагая, что Полозов заменен Череповым по проискам старшин и их партии, казаки отнеслись с недоверием к последнему, тем более что старшинская партия не скрывала своего удовольствия от такой перемены.

– Забудете вы при нем много зевать, – говорили про Черепова послушные казаки непослушным, – он вам зажмет рот-то.

С Череповым отправлены были на Яик военная команда и указ Военной коллегии, служивший ответом на донесение майора Новокрещенова и повелевавший казакам беспрекословное повиновение законам и начальству. Руководясь наставлением Военной коллегии привести

²⁴ Показание казака Сидора Кандалинцева // Гос. архив, VI, д. № 505.

²⁵ У Витевского (Русский архив, 1879, кн. III, с. 381), Анучина (Современник, 1862, т. 92, с. 577) и в Чтениях общества истории и древностей, 1859, т. III, с. 110, Суетин ошибочно назван Кретиным.

казаков к повиновению, генерал-майор Черепов прежде всего потребовал, чтобы немедленно было приступлено к избранию трех кандидатов в атаманы, причем он, конечно, по рекомендации Новокрещенова предлагал избрать Суетина, Митрясова и Федора Бородина, сына бывшего атамана. Войско не согласилось ни на одного из них, а представило своих кандидатов: Петра Тамбовцева, Ивана Свешникова и Михаила Воеводкина. Рассердившийся Черепов собрал тогда казачий круг, для слушания привезенного им указа, и приказал драгунам окружить собравшихся. Казаки были в недоумении и, опасаясь подойти к перилам круга, остановились в отдалении. Черепов с Новокрещеновым и почти со всеми старшинами вошел в круг и занял на рундуке место атамана.

– Слушайте указ, – сказал он сердито, – и подойдите ближе к перилам.

– Мы и тут можем слышать, – отвечали впереди стоявшие казаки.

– Я вам приказываю, – кричал Черепов, – подойдите ближе!

Собравшиеся подвинулись несколько вперед, но к самым перилам не подходили; генерал повторил приказание, но казаки не подвигались вперед. Сочтя это за явное ослушание, Черепов сошел с рундука и, став позади драгун, приказал им стрелять. Не успели солдаты исполнить приказания генерала, как почти все войско пало на землю.

– Помилуйте, ваше превосходительство, – кричали казаки, – мы не знаем за собой никакой вины!

Черепов не отменил своего приказания, и драгуны произвели залп по лежащим казакам, но пустили пули вверх и ни в одного человека не попали. «Черепов приказал повторить залп, а майор Новокрещенов кричал драгунам, чтоб они целили не вверх, а в колено». Некоторые драгуны выстрелили таким образом и тем залпом трех человек убили и человек шесть ранили.

– Помилуй, батюшка, ваше превосходительство! – кричали казаки.

– Кто не противен указу всемилостивейшей государыни, – сказал Черепов, – те ступайте за мной.

Вся толпа двинулась за генералом, который, расставя казаков кучами по улице, приказал читать им в разных местах указ.

– Будете ли вы повиноваться государевым указам? – спрашивал Черепов по окончании чтения.

– Войско всегда Богу, всемилостивейшей государыне и указам ее повинно, – отвечали казаки.

Черепов отправился в свой дом, а войско осталось на улице, потому что по всем переулкам были расставлены драгуны и ни одного казака без приказания пропускать было не велено. «Сие происходило зимой в самые лютые морозы, и держали их на морозе от утра до ночи». Вечером из дома генерала писарь вынес лист и требовал, чтобы казаки дали подписку в том, что слышали указ и не будут упорствовать ни в чем.

– Генерал приказал, – говорил писарь, – со всех казаков взять подписки в такой силе, а ежели не дадите таких подписок, так ни одного человека домой пускать не велено, хоть помрите на морозе.

Подозревая в этом требовании новую проделку старшин, казаки не решались подписываться и отправили двух человек спросить Черепова, по его ли приказанию отбирается подписка?

– Подписывайтесь, – сказал генерал, – я приказал.

Казаки подписались.

Пробыв две недели на Лике, Черепов уехал в Оренбург, но еще до своего отъезда донес оренбургскому губернатору, что войско бунтует, и просил скорейшей присылки войск. По слуху, распространившемуся вслед за тем между казаками, губернатор отправил два полка, но за сильными морозами и метелью они будто не дошли до Лика и вернулись назад, потеряв 334 человека замерзшими и обмороженными. Слух этот имел весьма большое значение

в будущем. Поступки Черепова еще более озлобили население, и войско отправило в Москву казаков Петра Герасимова и Ивана Бочкарева с жалобой о причиненных ему Череповым притеснениях и убийстве.

Тогдашний вице-президент Военной коллегии, граф Захар Григорьевич Чернышев, человек заносчивый, вспыльчивый и отчасти грубый²⁶, не обращал должного внимания на просьбы Яицкого войска и, полагая, что все несогласия в войске происходят от буйного характера казаков, не привыкших к повиновению, думал отделаться одной формальной, бумажной стороной дела. Он писал указ за указом, в которых требовал безусловного повиновения начальству и распоряжениям правительства. Получив просьбу Герасимова, Военная коллегия по предложению Чернышева издала 17 февраля 1767 года новый указ, в котором строжайше подтверждала, чтобы старшины и казаки предали забвению все ссоры, жили друг с другом в мире и исполняли в точности указы Военной коллегии под опасением за самое малое неисполнение жесточайшего штрафа.

Такой ответ на жалобу казаков не мог удовлетворить депутатов Яицкого войска, и Герасимов нашел случай подать прошение лично императрице, которая взглянула на дело гораздо серьезнее, чем вице-президент Военной коллегии.

«Как яицкие казаки мне подали прошение, – писала она графу Чернышеву²⁷, – а я приказала из Военной коллегии требовать Козьмину обстоятельных справок по сему делу, то желаю, чтобы все резолюции, кои коллегия возьмет от сего числа до окончания сего дела, вы сообщали мне для лучшего усмотрения всего сего дела обстоятельств».

Зная по прежним опытам, что челобитчики, подававшие свои просьбы прямо императрице, часто подвергались преследованию, Екатерина II опасалась, чтобы с Герасимовым и Бочкаревым не было того же. «Граф Захар Григорьевич! – писала она Чернышеву²⁸. – Объясните словесно Военной коллегии и дайте куда надлежит знать, чтоб яицким казакам, Герасимову с товарищи, в вину поставлено не было, что они, по простоте своей, мне самой подали челобитную, и подтвердите им, при отправлении их, чтобы они впредь согласнее жили».

Отправление это, как и вообще решение просьбы яицких казаков, последовало не скоро. Поставленная в затруднительное положение желанием императрицы ближе познакомиться с делом, Военная коллегия затягивала и не решала дела и, желая на будущее время избавиться от присылки депутатов, постановила 3 мая, чтобы казаки без дозволения и паспортов, выдаваемых из войсковой канцелярии, не смели никуда отлучаться из пределов войска, под опасением жесточайшего наказания. Вслед за тем, 15 мая, Военная коллегия подтвердила свой указ об очередной службе и требовала, чтоб Яицкое войско отправило на службу в Кизляр 500 человек казаков. С своей стороны императрица, не дождавшись решения коллегии и желая прекратить все волнения на Яике, решила отправить туда лично ей известное и доверенное лицо. «Как по рапортам оной коллегии, – писала она²⁹, – мы усматриваем, что еще и до сего времени, ни доброго согласия в войске Яицком, ни надлежащего выбора кандидатов к назначению ко оному в атаманы не последовало, то для приведения того и другого и для исследования, кто

²⁶ Относительно характера Чернышева можно сослаться на следующий указ Сената от 7 февраля 1764 г. «По всеподданнейшему прошению генерала графа Захара Чернышева, – писала императрица, – отставлен он вечно от нашей службы, о чем прошлого 1763 г. в декабре месяце и указ Сенату дан. Но как он, Чернышев, сам увидел ясно, что тем на скорости одной основанным поступком, себе и отечеству своему нанес некоторый ущерб, то пришед в похвальное раскаяние, вновь неоднократно прошениями утруждал нас о принятии его по-прежнему в нашу воинскую службу. Мы, материнским милосердием на оное снисходя, всемилостивейше оный горячности его поступок забвению предаем, а похваляя ревность к службе и видя его способности, повелеваем принять его опять в нашу воинскую службу тем же чином и с тем же старшинством, и присутствовать по-прежнему, как в Военной коллегии вице-президентом, так и во всех коллегиях, в коих он прежде был, командуя притом и бывшею у него до отставки дивизиею».

²⁷ В рескрипте от 19 февраля 1767 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

²⁸ В записке от 24 февраля 1767 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

²⁹ В указе Военной коллегии от 3 июля 1767 г. // Там же.

тому есть препятствием, мы нашей гвардии капитана Чебышева определяем, которого она коллегия имеет от себя при указе отправить в то войско с довольным наставлением, как ему в том деле поступить, выдав ему с командой, которая при нем находится будет, как туда так и обратно на десять почтовых лошадей прогонных денег. Какие же от него рапорты коллегия получать и какие на оные резолюции давать будет, представлять нам для известия».

В конце июля капитан Чебышев отправился на Яик, с поручением по прибытии на место объявить казакам, что он прислан управлять войском вместо атамана до тех пор, пока они не выберут трех кандидатов, для пожалования одного из них в сие достоинство.

«Ежели таковых выберут, – писала Военная коллегия³⁰, – то вам с описанием их лет, службы и достоинства прислать рапорт в Военную коллегию. А буде вы их усмотрите не такого достоинства, какого требуется, или, когда, упорства ради, несогласными голосами выберутся, то и не представлять, хотя бы в последнем случае они того просили».

Забываясь главнейшим образом о водворении спокойствия в Яицком войске и не допуская своевольтств, Чебышев должен был прежде всего привести в исполнение указ Военной коллегии об отрешении от должности атамана Андрея Бородина и прочих лиц, и вообще об удовлетворении претензии казаков. «Как для содержания того войска в порядке и в надлежащем повиновении, – сказано было в секретном наставлении Чебышеву³¹, – неотменно должно вам употреблять благоразумную строгость, так не меньше, для достижения между оным доверенности, потребно оказывать им пристойную ласку и снисхождение...

А как они несомненно ко всякому упорству, своевольтству и несогласию не своим подвигом, но некоторыми между ими беспокойными головами приводятся, то вы об изведении таковых крайнее старание употребить имеете, и если доведаетесь и узнаете точно, то отлуча их в команду или по случаю (?) и посадя под караул, в коллегию с обстоятельством рапортовать».

22 августа 1767 года капитан Чебышев вместе с казаками Петром Герасимовым и Иваном Бочкаревым³² прибыл в Яицкий городок. На другой же день он собрал войсковой круг, в котором прочел высочайший указ, ему данный, грамоту войску от Военной коллегии и сохранявшуюся доселе в тайне конфирмацию над виновными старшинами, чем с первого же раза расположил к себе казаков. Вслед за тем, узнав, что при войсковой канцелярии содержится двадцать человек казаков, арестованных в разное время, и найдя, что все они впали в преступление только «от неразумения и простоты», Чебышев приказал их выпустить на поруки. «От которого моего поступка, – доносил он³³, – я чего ожидал, начало увидел, ибо не только те содержащиеся, по и все войско столь обрадовано было, видя отмену прежней строгости, что как меня, так и *своих соперников*, со мной присутствующих, с неописанной радостью благодарили, обещаясь клятвенно во всем быть послушными и из воли моей не выступать».

Видя, что Чебышев внимательно выслушивает все заявления и входит в их нужды, стараясь быть справедливым, яицкие казаки успокоились и готовы были верить, что, наконец, наступили для них лучшие дни и порядки. Они доверились вполне новому правителю и охотно следовали всем его советам. По распоряжению Чебышева 28 августа казаки снова собрались в круг, в который были введены, присланные с курьером из Военной коллегии, казак Венедикт Иванов и девять его товарищей. Они обвинялись в том, что самовольно отлучились в Петербург и заслуживают за то наказания. Услышав от войска, что они отлучились не самовольно, а по общему согласию, Чебышев оставил их без наказания. Он предложил собравшимся избрать депутатов в комиссию по сочинению проекта нового уложения и назначить пятьсот человек в резервную команду. То и другое предложение было немедленно исполнено, и избранные депу-

³⁰ В наставлении Чебышеву от 24 июля Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

³¹ Секретное наставление Чебышеву от 24 июля // Там же.

³² Герасимов и Бочкарев были отправлены на Яик несколько ранее Чебышева, но с дороги из Симбирска поехали обратно в Москву для подачи нового прошения. Там они были задержаны и отправлены вместе с Чебышевым.

³³ Во всеподданнейшем донесении от 25 августа // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 43.

татами казаки Василий Тамбовцев и Иван Анкудинов 4 сентября выехали из Яицкого городка³⁴.

Императрица вполне одобрила распоряжения Чебышева и «усмотря, – писала она³⁵, – что в войске Яицком все происходит согласно и порядочно, не хотела оставить, чтобы не показать вам о том моего удовольствия, заключая из оного рапорта (от 4 сентября), что никакого сомнения нет к восстановлению между ними прежнего их мирного состояния и непоколебимого порядка. Я надеюсь, что вы и впредь будете поступать с ними такими мерами, которые бы их всегда вели к их благосостоянию».

Последнего достигнуть было весьма трудно, так как взаимная вражда между двумя партиями была слишком сильна и казаки не шли ни на какое соглашение. Чебышеву, при всем доверии к нему казаков, не удалось не только примирить враждующих, но и достигнуть соглашения при разрешении вопроса о выборе атамана.

10 сентября 1767 года собран был казачий круг, в котором Чебышев предложил войску выбрать в атаманы трех человек кандидатов, причем просил произвести выбор вольными голосами и обратить внимание на честных, заслуженных и достойных людей. Старшинская партия предложила избрать старшину Митрясова и дьяка Суетина.

– Оба они люди достойные, – говорили их приверженцы, – как войском командовать, так дела внешние и внутренние исправлять могут. Суетин и Митрясов люди доброго и честного поведения, в генеральных службах, на акциях и походах бывалые; за свою верную и усердную службу денежным жалованьем, ковшами и саблями жалованы.

Зная, что войсковая сторона не согласится на выбор, если все три кандидата будут с противной ей стороны, старшинская партия предложила избрать третьим кандидатом казака Тамбовцева.

– Хоть он, – говорили старшины, – в важных службах и партиях не бывал, но приращением войску соляного сбора немалую похвалу заслужил.

Согласившись на избрание Тамбовцева, войсковая сторона предложила со своей стороны избрать казаков Сидора Витошнова и Петра Погадаева, но старшинская партия на то не соглашалась.

– Витошнов и Погадаев люди подлого состояния, – кричали противники, – не из старшин и не из старшинских детей; люди незаслуженные, в генеральных службах и знатных походах не бывалые, распорядиться войском, заграничными и внутренними делами, тоже судными и приказными не могут, а об указах должного и исправного сведения не имеют.

Такое заявление старшинской партии вызвало продолжительные споры и шум, среди которых ни та ни другая сторона не хотела уступить. Увещания Чебышева прекратить ссоры и кончить дело мирным путем не имели успеха. Соглашения не последовало, и казаки разошлись с решением написать прошение на имя императрицы, в котором изложить подробно все то, что происходило в кругу. Переименовав кандидатов, предложенных старшинской и войсковой сторонами, и высказав нежелание свое иметь атаманом ни Суетина, ни Митрясова, войско решилось отказаться навсегда от права избирать атамана и предоставляло это дело на усмотрение императрицы. «Как оный выбор [атамана], писали казаки³⁶, – за таковым несогласием близко двух лет продолжается и согласными голосами не утверждается, да и впредь согласными голосами утвердиться не может, из-за чего все общество время от времени приходит в истощение и крайнее разорение, того ради в прекращение всех происходящих ссор и несогласий, во избежание крайнего всего общества нашего разорения, припадая к священным вашего импе-

³⁴ Всеподданнейший рапорт Чебышева от 4 сентября // Там же, д. № 2.

³⁵ В указе Чебышеву от 24 сентября 1768 г. // Там же, д. № 43.

³⁶ Во всеподданнейшем прошении от 23 сентября 1767 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 4. Простение это подписали 508 человек старшин, сотников, десятников и казаков.

раторского величества стопам, всеподданнейше просим, дабы повелено было из высочайшего вашего императорского величества матерного милосердия, тот кандидатов в войсковых кругах выбор с нас нижайших за несогласными голосами, *как ныне, так и впредь* сложить, а из природного вашего императорского величества высокомонаршего милосердия в атаманское достоинство жаловать как ныне, так и впредь, по своему монаршему соизволению. Кто той чести из нашего войска найдется достоин и кто в оные атаманы от вашего императорского величества пожалован и определен будет, тому мы нижайшие рабы и повиноваться должны. А прежнее наше право в выборе в войсковых кругах кандидатов, *яко негодное и на сей век неудобное, не токмо охотно сами с себя слагаем*, но и всеижайше просим милосердным своим матерним повелением для вышеобъявленных от нас резонов, ко всеобщему нашему благу и спокойствию *ныне запретит*, пониже в несогласных наших голосах тот выбор кандидатов продолжается чрез шесть лет, а все оное происходит от единой друг на друга вражды и памятозлюбия».

Не достигнув соглашения казаков относительно выбора атамана, но желая принести посильную пользу войску, Чебышев учел старшин войсковой канцелярии и признал их виновными пред войском. Раскаившись в своих поступках, старшины просили прощения и обещали уплатить все с них взыскиваемое. Всматриваясь ближе в домашний быт казаков, Чебышев нашел, что без всякой надобности и в крайнее отягощение войску во время сенокосов и рыбных промыслов оставляется для охранения города и содержания караулов так называемая *домоседная команда*, более чем из 150 человек. В команду эту нанимались попы, церковные и канцелярские служители и даже старшины. Таких команд было в год до четырех, и каждый раз лица, ее составляющие, получали за свою мнимую службу от двух до семи рублей. Сверх домоседной команды была еще так называемая *пятисотная резервная команда*, из которой половина посылалась на степную сторону по форпостам, а другая половина оставалась в городе без всякого дела, под предлогом могущих быть экстренных нужд, к защищенно границ от неприятельских набегов, «чего, – писал Чебышев³⁷, – никогда не бывало, да и быть, по всем известным резонам, не может, а если бы паче чаяния когда и случилось, то с такой малой командой тому форпостному командиру сильного неприятеля удержать и границы защищать никак будет не можно, а от домоседной команды, состоящей из таких людей, как значится выше, помощь, мнится мне, также будет не велика». На этом основании он признал необходимым, во избежание напрасного войску отягощения, в то время, когда резервная команда бывает в Яицком городке, домоседной команды вовсе не иметь, а городовые караулы содержать резервной команде, которой и состоять в ведении войсковой канцелярии. «Однако же, – прибавлял Чебышев, – если форпостный командир в случае нужном, сколько из той команды, когда будет требовать, а хотя и всю, на границы отпускать безо всякого прекословия, и тогда на те места, если будет нужда, определять из отставных казаков и из прочих, по их годности».

Уничтожение домоседной команды было принято войском с большим сочувствием, но Чебышев, опасаясь, что подобные распоряжения могут навлечь на него неудовольствие Военной коллегии и тех, которые лишались даровых доходов, торопился предупредить императрицу и просил, чтоб «от государственной Военной коллегии не было на мне за сие взыскания»³⁸.

Взыскания, конечно, не было, но было предложено ближе познакомиться с указами Военной коллегии.

«О благополучном окончании моей комиссии, – писал Чебышев графу Г.Г. Орлову³⁹, – хоть и есть должность уведомить вас, моего милостивца, но как то уведомление требует точной подробности, а правду за две тысячи верст еще и слишком показалось писать неловко,

³⁷ Предложение Чебышева яицкой войсковой канцелярии 15 октября // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 3.

³⁸ Всеподданнейшее донесение Чебышева от 16 октября // Там же, д. № 43.

³⁹ В письме от 19 декабря 1767 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

то донесу только, что я, сверх моего чаяния, за то, что продолжающуюся слишком шесть лет комиссию кончил, получил из государственной Военной коллегии о войске Яицком конфирмацию, которую я задолго до того повеления читал истинно много, но того ничего не нашел, для чего мне читать приказано, о чем осмелился и рапортом своим представить, а в перемене нынешних сотников прежними и ослушание сделал, только за то что мне будет – не знаю, а хорошего не жду. Чего для до тех пор, отец мой, изведи из темницы душу мой и тем избавь меня от таких переписок, от которых, кроме беды, ждать нечего. А чтоб не показалось вашему сиятельству все сие мной сделанное от упрямства, то прими, милостивый государь, труд прочесть тот мой посланный в коллегию рапорт и при оном от клеветников моих раскаяние, из чего и увидите ясно, была ли причина мне то делать, что сделал.

«В дополнение же сего моего чистосердечного изъяснения не только об этом, но и обо всем, что сначала и до сего дни происходило, если не поскучите, уведомиться можете от старичного атамана Нефеда Мостовщикова; только того страшусь, чтоб, убоясь, чего не утаил, ибо он со стороны старшинской славный был войску злодей, чего для нужно вашему сиятельству его обнадежить своей милостью. Тут-то услышите о Митрясовских корыстях, о храбрых поступках генеральских, как по лежащим казакам стрелял и о прочем, даже и о том, как с него, Мостовщикова, часы взяты. Если же чистосердечное раскаяние принести заупрямится, то пострадай, милостивый государь, мной, что он для изобличения до приезда моего будет удержан. А я на милость вашего сиятельства о скором отсель своем возвращении обнадеюсь, с радости и забыл, что по началу сего письма не устоял в своем слове, однако истинно нет еще и сотой доли».

Желание Чебышева было исполнено. Военная коллегия сама была не прочь отозвать человека, не сходявшегося с ее взглядами и державшего сторону простых казаков. Пользуясь тем, что в числе кандидатов в атаманы казак Петр Тамбовцев был принят как старшинской, так и войсковой партиями, Военная коллегия утвердила его войсковым атаманом и указом от 15 января 1768 года предписала Чебышеву сдать дела вновь утвержденному атаману и возвратиться к месту своего служения. 12 февраля Чебышев получил этот указ, а 8 марта был уже в Петербурге, оставя войско Яицкое в прежнем согласии⁴⁰ и поручив Тамбовцеву взыскание штрафа с виновных старшин и удержанного ими у казаков жалованья.

Новый войсковой атаман был человек честный, но в высшей степени слабого характера⁴¹. Первое время он, сколько мог, действовал самостоятельно и боролся со старшинами: взыскал с виновных незначительную часть удержанного у казаков жалованья, но не мог заставить их заплатить остальную часть и взыскать наложенный на них штраф. Казаки с самого начала были недовольны действиями Тамбовцева, все более и более подпадавшего под власть старшин и впоследствии перешедшего на их сторону. Несмотря на то что по конфирмации Военной коллегии многие были лишены старшинского звания и права быть выбранными на служебные места, Тамбовцев никогда не наряжал их на службу рядовыми, а назначал или походными атаманами, или полковыми командирами. Напротив того, казаки народной партии подвергались всевозможным обидам со стороны атамана, вышедшего из их же среды, и это раздражало их почти ежедневно.

В начале 1769 года войско потребовало выдачи пороха и свинца, жалуемого ежегодно по полуфунту на человека, и просило, чтоб порох никогда не отбирался. Тамбовцев сделал об этом представление в Военную коллегия, но не получил разрешения, и казакам приказано было выдать зарядами⁴². Тамбовцев объявил тогда, что пороха и свинца у него нет.

⁴⁰ Всеподданнейший рапорт Чебышева от 8 марта 1768 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 5. Суждения о Чебышеве автора статьи «Яицкое казачество» (Русский вестник, 1864, № 8) по меньшей мере несправедливы.

⁴¹ Всеподданнейший рапорт капитана Дурново от августа 1772 г. // Военно-ученый архив, д. № 101 (А).

⁴² Витевский В.Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив, 1879, кн. III, с. 383.

- Вы примите зарядами, – сказал он.
- Что такое заряды? – спрашивали казаки.
- Патроны, – отвечал атаман.

«А как войско, показывали казаки⁴³, с самого своего начала служило всегда с винтовками и турками⁴⁴ и патронный заряд для них негоден, то все казаки, по простоте своей, и заключили тогда, что Тамбовцев, конечно, хочет уничтожить отеческие их обряды и привести так, как и солдат служить с фузеями». Подозрение это было совершенно неосновательно, но, к сожалению, обстоятельства складывались так, что население могло путем логических размышлений дойти до убеждения, что правительство и атаман намерены ввести «регулярство», которого так опасались яицкие казаки, всегда готовые отстаивать отцовские порядки и свои древние привилегии.

В собранном войсковом кругу, в августе того же года, Тамбовцев объявил, чтобы каждый сотник командировал из своей сотни 17 человек для составления резервной части войска. Такая командировка требовала службы по очереди, а яицкие казаки признавали службу по найму и потому отказались от исполнения требования атамана.

– Очередное командирование тягостно и несносно казакам, – заявил сотник Иван Кирпичников и просил, чтобы командировка была сделана по найму и из подмоги, как всегда и прежде бывало.

Тамбовцев требовал, чтобы командировка произведена была, согласно указам Военной коллегии, по очереди и разослал об этом всем сотникам письменные предписания, но сотники их не приняли под предлогом того, что они люди неграмотные и нерегулярные и исполнять могут без письменных приказов. Тамбовцев четыре раза собирал круги, но безуспешно; казаки просили разрешения отправить в Петербург депутацию с просьбой об отмене очередной службы. Уступая общему желанию, атаман согласился на отправление депутации, но избранные им лица не были приняты войском, требовавшим, чтобы во главе депутации был послан сотник Иван Кирпичников, казаки Беляев, Казаркин и другие сторонники войсковых интересов. Атаман отвечал, что Кирпичникова послать не может, так как он штрафованный, и предлагал своих, но казаки упирались. Среди происшедшего разногласия сотники Тимофей Севрюгин, Федот Марковцев и десять человек казаков, не спрашивая разрешения войсковой канцелярии, но с согласия всего войска, отправились в Петербург и 2 октября явились в Военной коллегии. Они просили отменить наряд казаков на службу по очереди и приказать положенный порох выдавать казакам не патронами, а в раздел, по-прежнему. Военная коллегия не согласилась исполнить просьбу депутатов и вновь подтвердила свои указы об очередной службе и повиновении начальству.

Подтверждение это не подействовало на казаков, и они все-таки отказывались от службы по очереди, а между тем во второй половине 1769 г. командовавший войсками на кавказской линии генерал-майор де Медем потребовал, чтоб Яицкое войско, на перемену 68 человек раненых и престарелых, прислало такое же число в Кизляр.

В Кизляре всегда находилось от Яицкого войска 500 человек охотников, из которых каждый был нанят пятью человеками остающихся казаков, плативших наемщику по 100 и более руб. Теперь же, следуя указам Военной коллегии, атаман требовал, чтобы на смену раненых и престарелых были назначены казаки по очереди, но население и слышать не хотело о нарушении древнего обычая «наемки». После пяти собранных для этой цели казачьих кругов, только согласная старшинская партия представила от себя десять человек для отправления в Кизляр, а остальных 58 человек войсковая сторона набрала силой и для препровождения их назначила особую команду под начальством старшины Окутина.

⁴³ Памятники новой русской истории, т. II, с. 267.

⁴⁴ Особый вид ружей.

Последний успел дойти только до Бударинского форпоста, находившегося от Яицкого городка всего в 80 верстах. На этом небольшом пространстве бежало от Окутина 39 человек, а при выезде из Бударинского форпоста были отбиты и остальные теми же казаками, которые должны были их конвоировать.

Таким образом, распоряжение войсковой канцелярии и на этот раз не было приведено в исполнение, а употребленное ей насилие, как прямое нарушение казачьей вольности, восстановило население еще более против старшин и всей их партии. Негодование особенно развилось и волнение в народе усилилось, когда в начале 1770 года получен был на Яике указ Военной коллегии о назначении команды казаков в состав вновь формируемого «Московского легиона».

Развитие военных действий и обширность театра войны нашей с Турцией требовали увеличения числа полевых войск, и тогдашнему вице-президенту Военной коллегии графу З.Г. Чернышеву пришла мысль сформировать две самостоятельные части войск и назвать их *легионами*⁴⁵. В совете, учрежденном при дворе императрицы, предложение графа Чернышева не было принято вполне, но решено было сформировать один легион из «иностранных и вольных людей» и назвать его *иностранным*. В состав этого легиона должны были входить пехота, кавалерия и казачья команда⁴⁶.

По высочайше утвержденному 23 мая 1769 г. докладу Военной коллегии положено: 1) командиром иностранного легиона назначить бригадира Кара; 2) офицеров принимать из отставных и иностранцев; 3) знамен и литавр легиону не давать до тех пор, пока «онный таковы у неприятеля не завоюет и тем оные иметь достойным сделается», и 4) так как все нижние чины, за исключением кадровых 122 человек, назначенных из полков, должны быть набираемы из вольных и иностранных людей, то легион формировать в «польских местах»⁴⁷.

Охотников поступить на службу оказалось очень мало, и формирование легиона шло весьма медленно. «А при том, – доносила коллегия⁴⁸, – не можно по нынешним военным обстоятельствам, за краткостью времени к приведению их в совершенную дисциплину, на оных полагаться с такой твердостью, как на прочие полки, из рекрут набираемые». Основываясь на этом, коллегия испрашивала высочайшее повеление: 1) чтобы комплектование легиона производилось рекрутами на общем основании, за исключением гусар, которых предполагалось набирать из людей вольных, и 2) так как легион будет состоять не из иностранцев, а из природных русских, то назвать его *Петербургским*⁴⁹.

2 сентября императрица утвердила доклад, а 19-го числа того же месяца Военная коллегия, признавая необходимым вновь усилить войска, ходатайствовала об учреждении еще одного легиона на следующих основаниях:

«Три драгунские полка, а именно Оренбургский, который ныне находится в Астрахани, Казанский, находящийся теперь в Симбирске, и Уфимский, состоящий ныне в Кизляре, да Грузинский гусарский, в Кизляре же находящийся, также и состоящие в команде генерал-май-

⁴⁵ Г. Витевский (Русский архив, 1879, кн. III, с. 385) и автор статьи «Яицкое казачество» (Русский вестник, 1864, № 8) приписывают мысль сформирования легионов Потемкину, но это неверно. Известно, что административная деятельность Потемкина по военному ведомству началась с 1774 г., в самый разгар Пугачевской смуты.

⁴⁶ Легион этот никогда не назывался Потемкинским, как говорит г. Витевский и автор статьи «Яицкое казачество». В состав иностранного легиона должны были войти: один гренадерский и три мушкетерских батальона, каждый в 980 человек; четыре эскадрона карабинеров в 703 коня, два эскадрона гусар в 348 коней и казачья команда в 335 человек (считая в том числе и начальника казаков секунд-майора). Таким образом, полный состав легиона был в 5577 человек.

⁴⁷ Всеподданнейший доклад Военной коллегии от 21 мая 1769 г. // Архив канцелярии военного министерства. Высочайшее повеление, кн. 60.

⁴⁸ Во всеподданнейшем докладе от 23 августа 1769 г. за № 41 // Там же.

⁴⁹ При этом штатный состав легиона был несколько изменен: в каждом из четырех батальонов полагалось не 980, а 1019 человек; в четырех эскадронах карабинеров 745 коней; в двух гусарских эскадронах 349 коней, казаков 335 (с секунд-майором), а всего, считая и нестроевых, 5775 человек.

ора графа Тотлебена роты, превратить в такой род войска, который в легионе полагается, распределяя их в батальоны и эскадроны по способностям, а казачью команду определить из яицких казаков»⁵⁰.

3 октября доклад Военной коллегии был высочайше утвержден, повелено легион назвать *Московским*, формировать его в Симбирске и командиром его назначить генерал-майора Баннера⁵¹.

Указом от 25 декабря 1769 г.⁵² Военная коллегия поручила Яицкому войску назначить из старшин и есаулов 10, из сотников и десятников 18, казаков 300, писаря одного, да в трубачи и цирюльники 5, а всего 334 человека. Для выбора людей молодых и годных к службе было приказано генерал-майору Баннеру отправить на Яик одного штаб-офицера, которому «от войска в том выборе и чинить беспрепятственное послушание». Баннер командировал от себя квартирмейстера Глебова, который, несмотря на все свои старания, не мог исполнить данного ему поручения.

Распоряжение о назначении легионной команды подняло все Яицкое войско и произвело весьма сильное впечатление на казаков. По указу требовалось в состав команды 334 человека: цифра совпадающая с тем числом солдат, какое было показано замерзшими и умершими при посылке войск из Оренбурга, по требованию генерал-майора Черепова⁵³. Припоминая слова оренбургского губернатора, который в ордере писал тогда, что «с виновных взыщется тоlikое же число людей», казаки решили, что назначение в легионную команду сделано им в наказание и что правительство намерено обратить их в солдат и завести «регулярство».

Последнее должно было затронуть коренные обычаи казаков. Солдаты должны были брить бороды, а казаки, как раскольники, не могли на это согласиться и считали атамана и всю старшинскую партию предателями. В числе первых предателей они называли бывшего атамана Андрея Бородина: он был произведен в чин армейского подполковника и получил два больших полковых знамени, которые он передал потом Тамбовцеву. Продолжая далее обсуждать свое положение и считая виновными в гибели 334 человек солдат только одних старшин, для защиты которых они посылались, казаки признали справедливым, чтобы команда была назначена только из старшинской или согласной партии, а сами отказались от легионной службы. Атаман Тамбовцев не решился настаивать на исполнении указа отчасти и потому, что он касался самых дорогих обычаев казаков и их религиозных верований. Он отправил от имени войска прошение на имя императрицы, в котором просил уволить казаков от легионной службы.

«Войско Яицкое, – писал он⁵⁴, – в службах вашего императорского величества беспрестанно упражняется и наперед сего бывали по несколько человек в Польше, под Ригой, в Чигиринских, Крымских, Кубанских, Азовских и Свейских (шведских) походах, в Низовском корпусе, в Сибири, под башкирцами и в прочих многих партиях и командированиях. Нигде от войска Яицкого никаких прослуг не бывало, кроме того, что за ревностные свои поступки получали вашего императорского величества грамоты с похвалой; да и ныне куда бы только ни востребовалось, служить готовы человек по тысяче, по две и более верно ж и беспорочно, со всяким усердием, не щадя живота своего до последней капли крови. Сверх того, [войско] содержит ежегодно ординарную службу по 1060 человек вниз по Яику-реке, на учрежденных крепостях, форпостах, в Гурьеве-городке и в резервной команде по 500 человек своим коштом; да и в прочие службы командируемые команды все своим же коштом исправляет и снабжает.

⁵⁰ Всеподданнейший доклад Военной коллегии от 19 сентября 1769 г. // Архив канцелярии военного министерства, кн. 60.

⁵¹ Высочайший указ, данный Военной коллегии 7 октября 1769 г. // Там же.

⁵² У Витевского показаны не те числа, но это, вероятно, опечатка.

⁵³ См. с. 31.

⁵⁴ Во всеподданнейшем прошении от 22 февраля 1770 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 31, св. 61.

А жалованье на войско Яицкое отпускается самое малое, а именно копеек по 60 и по 80 в год, а хлеба здесь не сеют, да по здешнему климату и не родится, а всю свой воинскую справу, хлеб и одежду получают за уловленную рыбу в Яике-реке, и на том весь корпус содержится.

«Но токмо и оная рыбная ловля время от времени умалется и в улове мало бывает, в чем войско Яицкое, хотя великое претерпевает отягощение, однако в службах вашего императорского величества никакой остановки не бывает и, как выше означено, куда бы сколько ни востребовалось, всегда с желаемым успехом отправляет, а в другие необыкновенные команды никакие не браны, а во всем даже и доньне состояли невредимо на прежнем основании.

Да и по состоявшемуся в прошлом 1768 г. вашего императорского величества высочайшему указу велено быть на прежнем же основании, то дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было войско Яицкое от оной *легионной казацкой команды избавить* и освободить, и оставить на прежнем основании, так как мы нижайшие и от предков вашего императорского величества невредимо состояли... Да к тому ж ежели оная легионная команда отсель возьмется и здешние азиатские народы о том сведают, тогда не без сомнения останутся, что и в другое место отсель выводиться будут, тогда-де корпус войска Яицкого может умалиться, и они из-за того могут всегда во всех местах чинить нападение и приключать людям разорение, а вашего императорского величества высокому интересу ущерб. Что же касается до нашей службы, то ежели куда повелено будет не токмо триста, но хотя бы по 500 человек или более, мы всеподданнейшие рабы, по прежнему своему обыкновению, со всеусерднейшей ревностью служить должны, к чему мы уже приобвыкли, *а вышеписанная казацкая легионная команда нам необыкновенна* и о сем нашем прошении учинить милостивое решение»⁵⁵.

Получив это прошение 20 марта 1770 г., Военная коллегия не признала возможным отменить командирование казаков в Московский легион, так как об этом состоялось уже высочайшее повеление, но в заседании своем 24 марта постановила не принуждать казаков брить бороду. В грамоте, написанной по этому поводу войску⁵⁶ и переданной старшине и станичному атаману Мартемьяну Бородину, было, между прочим, написано: «А как в войске Яицком казаки, по их обыкновению, многие бороды не бреют, то и оную казацкую команду в том не принуждать, а оставить на их волю».

Это последнее распоряжение Военной коллегии было получено на Пике в то время, когда войско находилось на плавне, и потому войсковая канцелярия поручила дьяку Матвею Суетину распорядиться как об объявлении вновь полученной грамоты, так и командировании казаков в легионную команду. 8 мая Суетин прибыл на плавню к урочищу Красный Яр и вручил походному атаману Мусатову сначала ордер «о бытии всем в послушании», а потом приказал собрать казачий круг, в котором объявил полученную грамоту и требовал выбора казаков в состав легионной команды. Сотники Горохов, Сетчиков и Портняшкин, которым было поручено проинформировать набор, просили, чтоб для лучшего толкования войску были им выданы копии с указа и грамоты.

– Вы можете получить подлинные указы и грамоты, – отвечал Суетин, но при этом заявил, что круг должен тотчас же приступить к формированию команды.

– Мы почитаем высочайшую волю делом святым, – отвечали казаки, – но на кого гласит грамота, тот и отправляй.

Этими словами казаки хотели показать, что, по их мнению, командирование должно быть сделано только с одной старшинской стороны. Суетин отрицал такое толкование грамоты и говорил, что казаки должны снарядить легионный отряд без замедления и упорства. Тогда из толпы выделилось восемь человек, которые заявили, что они готовы исполнить указы, но все изложенное в них касается не до них, казаков, а до старшин, старшинских детей и тех сотников,

⁵⁵ Прощение это подписали: атаман Петр Тамбовцев, войсковой старшина, и дьяк Матвей Суетин.

⁵⁶ В грамоте от 26 марта 1770 г., № 4346.

которые по конфирмации лишены чинов. При этом Чумаков высказал желание войска просить императрицу об отмене легионной службы.

– С самого начала бытия нашего, – говорил он, – таких порядков, какие ныне чинятся, не бывало.

– Прежде нужно исполнить волю государыни, – заметил на это Суетин, – а потом можно подать и прошение.

Казаки обещали дать положительный ответ не прежде вечера. Суетин согласился и оставил казакам подлинные грамоты и указы «для понятия всему войску». Вечером казаки снова собрались в круг и заявили, что все поголовно пойдут к императрице, а казак Емельян Чижев требовал, чтобы войско было допущено до плавни.

– Подпишите общий приговор, – говорил Суетин, – что вы назначите в легионную службу потребное число казаков и отправите их тотчас по возвращении в городок, и тогда будете допущены до плавни.

– Нам подписываться не для чего, – отвечали казаки, – ибо как прежде сего наши прадеды, деды и отцы служили, так и мы ныне и впредь – текущие лета служить на прежних повелениях и отеческих порядках безо всякого отрицания должны, а штата мы не просили и иметь его не желаем.

Получив такой ответ, Суетин не допустил войско до рыбной ловли и, лишив таким образом казаков одного из главных источников дохода, приказал им ехать обратно в Яицкий городок. Казаки исполнили приказание, и 21 мая атаман Тамбовцев собрал круг, в котором прочел грамоту и приказал есаулу Филиппу Мусатову объявить всему войску, чтобы с каждого десятка было назначено в Московский легион по одному человеку, что и составляло требуемое число рядовых, 334 человека. Видя, что атаман намерен сделать наряд только из рядовых казаков и исключает старшин, старшинских детей и сотников, войско отказалось исполнить требование.

– Мы штату не просили, – слышались голоса, – и его не желаем, а желаем остаться на прежних высочайше дарованных правах.

Тогда старшинская или согласная партия предоставила от себя в наряд 48 человек и снабдила их всем необходимым. Пример этот не подействовал на войсковую сторону, и она по-прежнему настаивала, чтобы войску дозволено было отправить в Санкт-Петербург депутацию с просьбой о сохранении прежних их казачьих привилегий, и в крайнем случае, если не последует на то согласия императрицы, то хотя бы о дозволении выбрать в ту команду своего походного атамана и старшин. Последнее требование казаки считали весьма важным, так как Тамбовцев назначил своих сторонников и таких лиц, которые, по указам Военной коллегии, были лишены старшинского звания. Желая отклонить отправку депутации в Петербург, Тамбовцев согласился на последнее желание казаков, и войсковая партия выбрала старшину Колпакова, который, войдя в круг, заявил, что он должен служить согласно воле императрицы.

– Когда он по штату служить хочет, – сказал сотник Сетчиков, указывая на Колпакова, – так, видно, старшины сами о том просили; только мы служить желаем по-прежнему казацкому обыкновению, а не по штату.

Слова эти подхватили многие казаки, и в войсковом кругу поднялись крик и шум, дошедшие до драки. Повод к тому подал дьяк Суетин, который «азартно» сошел с рундука, схватил сотника Сетчикова за бороду и за волосы и, таская по земле, «смертельно» его бил⁵⁷. Суетину помогали в этом атаманский сын Алексей Тамбовцев, старшины Федор Митрясов и Мартемьян Бородин, сотник Андрей Капнев и Петр Черторогов. За Сетчикова вступились Кирпичников, Горохов, Севрюгин, Краденов и еще 14 человек казаков, которые были тотчас же арестованы и в пример другим биты плетью. Не ограничиваясь этим числом арестованных, Тамбовцев

⁵⁷ Всеподданнейшее прошение яицких казаков, поданное императрице в июле 1770 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 49.

приказал арестовать всех, кого считал явными противниками своих распоряжений. По приказанию атамана казаков ловили, секли без пощады и рассаживали по разным амбарам, но все эти меры на столько раздражили население, что оно отказывалось исполнить какое бы то ни было требование. Войсковая канцелярия собрала круг с намерением сделать всем десятникам и казакам перекличку по списку и назначить в легионную команду по своему выбору. Но как десятники в круг не явились, то атаман, для формирования легионной команды, решился на крайнюю меру: он приказал хватать кого попало, «сколько бы с которой сотни и десятка ни прилунилось»⁵⁸. Всех схваченных велено было содержать под арестом, им составлены были списки, которые и вручены старшине Якову Колпакову.

Поступив так, войсковая канцелярия считала дело по назначению казаков в состав легиона решенным и донесла Военной коллегии, что команда будет отправлена в Симбирск и что для препровождения ее будет назначен особый конвой. В действительности дело это далеко еще не было окончено. Казаки волновались, и неудовольствие их на атамана принимало острый характер. Они потребовали разрешения отправить нескольких человек в Оренбург к губернатору с жалобой на причиненные им обиды и оскорбления. Тамбовцев отказал. Войско собралось в круг, вызвало атамана и вновь потребовало, чтобы было разрешено отправить в Оренбург казаков Ивана Шешукова и Григория Голованова с прошением. Тамбовцев арестовал их, высек плетью и посадил под караул. Вслед за тем сотник Егор Вавилин просил атамана дозволить ему ехать в Оренбург, но и он был высечен плетью. Казаки отказались тогда идти на севрюжье рыболовство и, опасаясь преследований, рассыпались по степи, «спасая живот свой»⁵⁹.

Отказ идти на рыбную ловлю мог вредно отозваться на экономическом благосостоянии населения и вызвать новые беспорядки, а потому атаман принужден был освободить большинство арестованных. Оставшиеся под караулом сотники Кирпичников, Сетчиков, Горохов, Краденов, Герасимов и другие подговорили сотника Логина Шапошникова и казака Ивана Ерофеева, чтоб они, не спрашивая позволения атамана, съездили в Оренбург и, доложив губернатору о всех притеснениях, которые испытывают казаки от старшин, просили его выдать им паспорт на свободный проезд в Петербург. Оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп задержал посланных, донес Военной коллегии, что яицкие казаки бунтуют, и поручил командовавшему в Оренбурге войсками генерал-майору Давыдову принять меры к скорейшему командированию легионной команды и 68 человек в Кизляр⁶⁰. На требование Давыдова войсковая канцелярия отвечала, что, хотя команды и набраны и для препровождения их был назначен особый конвой, «но токмо противной стороны большая часть казаков в том препровождении ослушными явились. Того ради войсковая канцелярия покорнейше просит, дабы повелено было для того отправления и препровождения прислать в войско Яицкое особливового офицера с надлежащей регулярной командой»⁶¹. Не имея права вмешиваться во внутренние дела войска, генерал-майор Давыдов не решился отправить регулярную команду, а командировал в Яицкий городок поручика князя Уракова. Но и эта мера не привела ни к какому результату⁶².

Отказавшись отправить легионную команду, несогласная партия успела отправить в Петербург, под предводительством сотника Ивана Портнова, депутацию из 22 человек⁶³, упол-

⁵⁸ Выписка из экстракта Военной коллегии от 22 июля 1770 г. // Там же.

⁵⁹ Всеподданнейшее прошение яицких казаков, поданное в июле 1770 г.

⁶⁰ Ордер Яицкому войску генерал-майора Давыдова, 28 мая 1770 г., № 1016.

⁶¹ Рапорт войсковой канцелярии генерал-майору Ивану Кирилловичу Давыдову от 1 июня 1770 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 119, св. 4, д. № 49.

⁶² Там же.

⁶³ В состав депутации были избраны сотники Иван Портнов и Семен Подкаряшников; рядовые Федор Найденов, Никита Каргин, Андрей Портнов, Петр Сергеев, Максим Кабаев, Иван Горячкин, Терентий Сенгилевцов, Иван Чалусов, Андрей Легошин, Дмитрий Сергеев, Федор Жирикин, Иван Будигин, Михайло Погадаев, Яким Лепехин, Алексей Ларшин, Федор Свия-

номочив посланных заявить о войсковых нуждах, ходатайствовать об уничтожении легионной команды и о сохранении прежних их привилегий и прав.

Узнав об этом и желая лишить партию главных ее деятелей, Тамбовцев решился отправить в Оренбург арестованных сотника Кирпичникова и его товарищей. Под присмотром старшины Федора Митрясова и одного унтер-офицера, с конвоем из форпостных казаков, они были 30 июля высланы из Яицкого городка, но на дороге, в Генварцевском форпосте, были отбиты казаками и, ускакав в степь, пробрались потом в Петербург⁶⁴, где и присоединились к бывшим там депутатам.

Между тем сотник Иван Портнов и его товарищи по прибытии в столицу подали самой императрице челобитную, в которой просили восстановить войско на прежних основаниях, «а не определять нас в легионные полки по учиненному новому штату»⁶⁵. Депутаты просили возвратить из ссылки старшину Ивана Логинова; приказать удовлетворить денежным и хлебным жалованьем, которого казаки не получали в течение нескольких лет. «А об истрясении денежной войсковой суммы, о счете канцелярии и о всех обидах и разорениях из высококомаршей матерней милости просим, послать верного вашего императорского величества раба, кому препоручить благоволите и от наших старшин против незаконных их поступков и наглого разорительства высочайшей десницей защитить и оборонить».

Получив это прошение, императрица 2 сентября повелела Военной коллегии⁶⁶: «1) Нынешних присутствующих в войсковой Яицкой канцелярии, ежели они положенного на них по комиссии нашей л. – гв. капитана Чебышева денежного штрафа поныне не заплатили, приказать от присутствия отрешить, а на их места выбрать войску других по их обрядам, дабы тем скорее оный штраф с них взыскан и в войско возвращен был; 2) ежели яицкие казаки подлинно как денежного, так и хлебного жалования пятый год не получают, то приказать их немедленно в том удовлетворить, а с теми, кто в удержании оного виновными явится, поступить Военной коллегии по силе законов; 3) ныне содержащихся казаков, по причине командирования в легион под караулом, освободить, а сотнику Ивану Портнову с товарищи, которые нам самим мимо своей команды и собравшись множественным числом прошение подавали, объявить, что мы из единого нашего милосердия ныне в том их всемилостивейше прощаем⁶⁷, а впредь за таковой поступок учинено с ними будет по законам; 4) подлинно ли яицкие казаки нынешнего лета до рыбной ловли не допущены и чрез то приведены в несостояние к платежу соляных денег и кто тому виной, Военной коллегии приказать исследовать и нам представить; 5) войсковую канцелярию приказать в воинской сумме счесть и впредь ежегодно считать, и 6) бывшего старшину Ивана Логинова из ссылки возвратить».

Депутаты Яицкого войска остались недовольны таким решением. Призванные в Военную коллегию в числе 26 человек, они выслушали высочайший указ и на предложение ехать обратно не только не согласились, но и данную им на имя войска грамоту оставили в зале коллегии. Тогда граф Захар Чернышев приказал арестовать всех находившихся в Петербурге яицких казаков, число которых доходило до 80 человек, и отправить их под присмотром на Яик. Скрываясь в разных частях города, многие казаки избежали ареста, «а другие и именно: сотник Кирпичников с пятнадцатью человеками казаков, не доезжая до Ямской слободы, помощью новой едущей сюда партии отбились, так что отправлено уже только шесть человек»⁶⁸.

гин, Степан Толкачев, Емельян Чемев, Петр Герасимов, Петр Заколишин.

⁶⁴ «Яицкое войско» и пр., г. Витевского (Русский архив, 1879, кн. III, с. 389); Памятники повой русской истории, ч. II, с. 290.

⁶⁵ В прошении, поданном в июле 1770 г.

⁶⁶ Архив канцелярии военного министерства, книга высочайших повелений за № 63.

⁶⁷ У г. Витевского (Русский архив, 1869, кн. III, с. 390) указ этот приведен в измененном виде и цитаты неверны.

⁶⁸ Памятники новой русской истории, ч. II, с. 291.

Хотя, по распоряжению графа Чернышева, из числа возвратившихся в Санкт-Петербург казаков и было вновь арестовано человек тридцать, которые и отосланы в Казань для содержания под караулом, тем не менее казаки не унимались. Успевшие избежать ареста, собравшись вместе и имея во главе сотника Кирпичникова, нашли удобный случай вторично просить императрицу об освобождении их от легионной и очередной службы и об отправлении на Яик доверенного лица, которое могло бы прекратить бесчинство старшин и вражду двух партий.

Упорство депутатов и их настойчивость обратили на себя серьезное внимание императрицы, тем более что донесения, полученные от оренбургского губернатора, свидетельствовали о постепенном возрастании беспорядков и о всеобщем народном неудовольствии. Из этих донесений императрица видела, что казаки наотрез отказались идти в легионную службу и послать смену находившимся в Кизляре; что их ловили, заковывали в кандалы и отправляли по назначению, но товарищи отбивали их и вместе с ними уходили в степь. Население было настолько возбуждено, что отказывалось от всяких работ и не заботилось о собственном благосостоянии. Наступила пора сенокоса, казаки не думали о сенокосении; их принуждали, они не слушали. Такое напряженное состояние, грозившее серьезными последствиями в будущем, побудило императрицу еще раз испробовать меры снисхождения и удовлетворить главнейшим просьбам казаков.

«Войска Яицкого сотники и казаки, – писала императрица⁶⁹, – собравшись множественным числом, неоднократно просьбами своими нас утруждали. За таковое их дерзновение хоть они и заслуживают неупустительное по законам наказание; но, из единого нашего монаршего милосердия, в таком их проступке всемилостивейше прощаем и, снисходя на их просьбу, *увольняем их вовсе от легионной команды, куда их и впредь не наряжать*. А притом повелеваем нашему верноподданному войску Яицкому по всем посылаемым в войско из нашей Военной коллегии, как из главного правительства, грамотам и указам чинить неперменное исполнение, и службу свою отправлять по их прежним обыкновениям. Нашей же Военной коллегии повелеваем представить нам для определения в легионную команду вместо яицких казаков других».

Вместе с тем, для прекращения вражды двух партий, проверки действий атамана и учета войсковой канцелярии, императрица приказала отправить на Яик новую следственную комиссию, в состав которой были назначены л. – гв. Семеновского полка капитан Дурново и командовавший войском в Оренбурге генерал-майор Давыдов. Прибыв на место, лица эти должны были разобрать пререкания казаков, на основании указа, данного Военной коллегии от 2 сентября, и если присутствующие в войсковой канцелярии старшины положенного на них денежного штрафа не заплатили, то, писала императрица капитану Дурново⁷⁰, приказать сменить по усмотрению вашему и на их места выбрать войску других по их обрядам, дабы тем скорее оный штраф с них взыскан и в войско возвращен был.

«Также, когда войсковую канцелярию в войсковой сумме считать будут, велеть определить к тем счетам потребное число казаков заслуженных и поведения доброго, по выбору всего войска, со сменой по прошествии года. Командированной в Кизляр яицких казаков пятисотной команде, когда двухлетний срок уже вышел, велеть толикое же число нарядить из войска и отправить к генерал-майору де Медему».

Удовлетворенные в своих просьбах, депутаты Яицкого войска отправились домой, причем казаки Севрюгин и Герасимов успели получить копию с указа 7 декабря, которая, как увидим ниже, будучи неверна, послужила поводом к новым и весьма серьезным волнениям казаков.

⁶⁹ В указе, данном Военной коллегии 7 декабря 1770 г. // Архив канцелярии военного министерства, кн. № 63.

⁷⁰ В указе от 31 декабря 1770 г. // Гос. архив, VI, д. № 505. Рассказ об яицких казаках, изложенный в записке полковника Пекарского (Москвитянин, 1841, ч. III, с. 438), настолько неверен, что не может служить источником для исследователя.

Глава 2

Прибытие Дурново в Яицкий городок. – Деятельность следственной комиссии. – Неудовольствие казаков. – Отправление сотника Кирпичникова депутатом в Петербург. – Прошение казаков, поданное императрице. – Перемена в составе следственной комиссии. – Генерал Траубенберг. – Возвращение Кирпичникова в Яицкий городок. – Междоусобие, среди которого убиты Траубенберг и Тамбовцев, а Дурново ранен. – Избрание новых правителей и просьба казаков о прощении.

2 февраля 1771 года капитан Дурново прибыл в Яицкий городок, но не нашел там генерал-майора Давыдова, занятого в Оренбурге отправлением отрядов в погоню за калмыками, откочевывавшими из наших пределов с целью перейти во власть Китая.

Не желая, однако же, оставаться в бездействии, Дурново запретил старшинам производить дела по разбору жалоб и обязал их подпиской, что они будут заниматься только обыкновенными канцелярскими делами⁷¹.

Мера эта, лишавшая старшин возможности притеснять челобитчиков и отнимавшая у них всякую власть, понравилась казакам, и они просили Дурново о скорейшем исполнении данного ему указа, но он отвечал, что один сделать этого не может, а должен дожидаться прибытия генерал-майора Давыдова, вместе с которым ему велено произвести следствие⁷². Только из этого заявления войско узнало о Давыдове и, не ведая, по чьему распоряжению он назначен, так как указ императрицы был написан на имя одного Дурново, решило, что Давыдов командирован по просьбе старшин и, конечно, будет держать их сторону.

С неудовольствием узнали казаки о приезде Давыдова в Яицкий городок и с предубеждением смотрели на все его действия. Неохотно шли они в круг слушать присланный Давыдову указ Военной коллегии, но когда, выслушав его, узнали, что велено отрешить от присутствия старшин, взыскать с них положенный штраф и удержанное ими у казаков жалованье, то временно успокоились, хоть и ненадолго, потому что комиссия, по их мнению, повела дело не так, как бы следовало, и не согласно с данными указами. Члены комиссии начали с того, что предложили присутствующим в войсковой канцелярии вопросные пункты, по которым оказалось, что положенный от Военной коллегии штраф старшины Суетин и Митрясов заплатили, а остальные еще не заплатили, потому что по резолюции коллегии велено было «взыскать штраф с такой предосторожностью, чтоб от единовременного взыскания в бедность и неимущество прийти не могли, и расположить то взыскание, смотря каждого имуществу, по срокам». Следующее войску жалованье и деньги за провиант за первые пять лет, по показанию старшин, «были зачтены в откупы, а за два года из наличных больше половины в жалованье роздано, а остальное казаки по упрямству не берут». Рыбу ловить и сено косить никогда запрещается не было. В заключение старшины в приходе и расходе денежной суммы представили шнуровые книги, начиная с 1766 года.

Заявление старшин не могло быть ни опровергнуто, ни утверждено без показаний челобитчиков, не могло быть также, без показаний самих казаков, определено и то обстоятельство, в состоянии ли не заплатившие еще штрафа старшины внести его и в какое время. Поэтому Давыдов и Дурново, согласно высочайшему повелению, потребовали от войска доверенных для проверки как книг, так и показаний старшин. Видя в этом требовании уничтожение результатов следствия, произведенного Потаповым, войско отказалось произвести выбор и после дол-

⁷¹ Краткое извлечение из произведенного следствия, приложенное ко всеподданнейшему рапорту капитана Дурново от августа 1772 г. Военно-ученый архив, д. № 104, л. 21.

⁷² Записка капитана Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 271.

гих настояний и собранных несколько раз кругов согласилось наконец на требование, но с тем, чтобы старшины Митрясов, Суетин и Пономарев, как ответчики, были отрешены от присутствия в войсковой канцелярии, а на место их были бы выбраны войском другие лица. «А как по справке оказалось, – доносил Дурново⁷³, – что присутствующие в войсковой канцелярии старшины положенный на них штраф заплатили и в приход оный в 1766 и 1767 годах в книгах действительно записан», то комиссия, без точного исследования, не признала возможным отрешить старшин совсем от присутствования в войсковой канцелярии и выбрать вместо них других. Со своей стороны казаки просили со слезами Давыдова и Дурново, чтобы поступили по указу. Но «они⁷⁴, не внемля просьбе, – показывали казаки, – старались больше за старшин, обходясь с ними приятельски». Таким образом на первых же порах произошло весьма крупное разногласие: следователи не сменяли старшин, а казаки отказались выбрать уполномоченных. Вслед за тем в войсковом кругу, 9 марта, было прочитано высочайшее повеление о командировании в Кизляр 500 человек казаков на смену той команды, которая там находилась уже более двух лет, и указ Военной коллегии о командировании всего Яицкого войска в погоню за бежавшими калмыками. Объявление это было принято войском с большим неудовольствием, и собиравшиеся 9, 10, 11 и 12 марта круги отличались особым шумом. Сотники и казаки непослушной стороны кричали, чтоб им было разрешено выбрать в походные атаманы простого казака Максима Выровщикова, а атаманы и старшины на то не соглашались.

– Максим Выровщиков, – говорил атаман, – был в ссылке, а по грамоте Военной коллегии 1765 года велено, при наряде в службу, посылать старшин по очереди, а буде важная надобность востребует куда отменного достоинства и исправности, то, невзирая на очередь, командировать старшину по усмотрению войскового атамана, ибо до сего казаки начальников себе выбирали слабых и попустительных, которые делали единственно то, что казакам было угодно.

Пользуясь своим правом, атаман Петр Тамбовцев назначил для преследования калмыков старшину Витошнова, полковниками старшин Кадарова, Митрясова и Филимонова, а есаулов, сотников и хорунжих предоставил выбрать самому войску⁷⁵. Послушные казаки командировали от себя 221 человека, а непослушные объявили наотрез, что они не пойдут ни к старшинам в команду, ни в погоню за калмыками на том основании, что будто бы казаков не велено наряжать на службу. Последнее заявление они основывали на копии с именного указа, данного Военной коллегии от 7 декабря 1770 года⁷⁶, копии, представленной атаману сотником Тимофеем Севрюгиным в войсковом кругу 11 марта. В копии этой вместо слов «куда их (т. е. в легионную команду) и впредь не наряжать», было написано: «Никуда их впредь не наряжать». Чтение этой копии окончательно отклонило казаков от наряда в командировку. Отказавшись, по наущению сотника Ивана Кирпичникова, послать на смену команду в Кизляр, они требовали удаления старшин, взыскания с них штрафа и выдачи казакам жалованья за пять лет.

Видя всю невозможность исполнения данного поручения, генерал-майор Давыдов и капитан Дурново донесли о том Военной коллегии, а казаки непослушной стороны отправили в Петербург сотника Кирпичникова с 23 человеками⁷⁷ в качестве депутатов для испрошения от имени всего Яицкого войска о подтверждении капитану Дурново скорейшего исполнения именного указа со всеми его последствиями⁷⁸.

Перед отъездом депутаты просили выдать им паспорта, но как ни войсковая канцелярия, ни Дурново выдать их не соглашались, то казаки заручились верующим письмом от 2700 чело-

⁷³ Военно-ученый архив, д. № 104, л. 21.

⁷⁴ Записка Маврина: Памятники и проч., ч. II, с. 271.

⁷⁵ Военно-ученый архив, д. № 104, л. 22.

⁷⁶ Приведен нами выше, с. 53.

⁷⁷ В числе свиты Кирпичникова были казаки Иван Портнов, Петр Краденов, Иван Герасимов, Иван Овчинников и другие.

⁷⁸ Чтения в Обществе истории и древностей, 1860, кн. II, с. 36.

век сотников и казаков⁷⁹. Получив от 20 до 30 рублей на человека мирских денег, депутаты отправились в путь.

Выехав из Яицкого городка весной 1771 года после Пасхи, депутаты в июне прибыли в Петербург, где Кирпичников явился к графу Захару Григорьевичу Чернышеву с намерением подать челобитную на имя императрицы. Чернышев не принял прошения и толкнул ногой Кирпичникова так, что тот упал.

– Придите ко мне все, сколько вас здесь есть, – сказал грубо граф Чернышев, – тогда я прошение приму и вас отправлю.

Опасаясь быть захваченными, казаки ходили в Военную коллегия по 3 и по 5 человек и жили в Петербурге на нескольких квартирах, скрывая их даже друг от друга. Жили они в Ямской слободе и для совещаний сходились на рынке.

Отыскав удобный случай, казаки подали прошение в руки самой императрице, которая поручила своему секретарю Козьмину⁸⁰ исследовать дело яицких казаков⁸¹. Исследование это, заключавшееся главнейшим образом в собирании справок и во взаимной переписке правительственных учреждений, продолжалось весьма долго, и казаки, не зная ничего о результатах своей просьбы, прожили в Петербурге с 28 июня по 6 декабря. В этот день они узнали, что их разыскивают и что Военная коллегия «дала чрез полицию приказ по всему Петербургу изыскивать их и на квартирах не держать, яко сущих злодеев». Казаки сняли с себя национальный костюм и, переодевшись в ямское платье, ходили по столице в ожидании резолюции. Деньги, данные им от войска, приходили к концу, и депутаты стали ощущать недостаток в пропитании, а между тем шесть человек из них были уже арестованы и биты плетью. Затем пойманным обрили бороды, остригли волосы и по приказанию графа Чернышева отправили на службу в полки второй армии. Тогда, видя в вице-президенте Военной коллегии не защитника, а своего преследователя, казаки решились вновь обратиться к самой императрице, от которой они только и ожидали справедливого и милостивого решения дела, продолжавшегося уже 11 лет.

«Богу и тебе, всемилостивейшая государыня, – писали депутаты⁸², – всеподданнейшие рабы припадают к стопам вашим с горькими слезами. Помилуй, всемилостивейшая государыня, всех живущих на Яике, которые о тебе жизнь сообразуют и пребывают под вашим императорским покровительством! Сжальтесь, всемилостивейшая государыня, о понесенных нами бедствиях, которые вашему высокомонаршему лицу из наших горестных прошений известны, кои соделают нам и ныне нападки, в противность преподанных высокомонарших законов... Мы бесчасные, всеподданнейшие рабы, не только не имеем удовольствия, но несем бесчеловечное мучение от атамана Петра Тамбовцева и его товарищей старшин [штрафованных], коих и ныне определяет государственная Военная коллегия, а особливо граф Захар Григорьевич Чернышев...

Всеавгустейшая императрица, всемилостивейшая государыня! К освященным вашим стопам всеподданнейшие рабы припадаем со слезами, избавьте монаршим вашим милосердием от сего несносного разорения; не только пришли в упадок, но в самую нищету; ей-ей до того доведены, что мы не в состоянии продолжать вашей императорской службы, за нерешением дела одиннадцать лет и за долговременным здесь бытием. По недостатку нашему на пропитание и на прочую справу, заниманием в великих долгах себя находим. Помилуй, всемилостивейшая государыня, оборони от такого нападения атамана Тамбовцева и всех старшин и господ генералитет, штаб- и обер-офицеров; удостой нас, как прежде, при отце отечества государе Петре Великом находились под протекцией г. генерал-фельдмаршала графа Бориса

⁷⁹ Показание казака Ивана Ерина // Гос. архив, VII, № 2331.

⁸⁰ По другим показаниям – Козицкому.

⁸¹ Показание Кирпичникова // Московский архив Главного штаба, аудиторская экспедиция, оп. 93, св. 492.

⁸² В прошении, поданном 27 декабря 1771 г. Прощение это подписали казаки Петр Андреев сын Герасимов и Иван Григорьев сын Ерин // Гос. архив, VII, д. № 2331.

Петровича Шереметева, тако и ныне усердно быть желаем у его высокографского сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова, дабы наше Яицкое войско избавлено было от нападения, каковое высочайшее матернее милосердие предпочесть должны не иначе как дарованной нам новой жизнью».

Прошение это было написано в таком числе экземпляров, сколько было казаков в Петербурге, «для того, показывал казак Симеон Матросов, что условились между собой, что если они [Герасимов и Ерин] не успеют оной [челобитной] подать и попадут под караул, то им свой стараться подать и их из-под караула выручать».

Подавший прошение Иван Ерин был задержан, а Герасимов успел скрыться. На вопрос, где живет Герасимов, Ерин отвечал, что не знает, «но думает, что слоняется около рынка». Тогда, по приказанию императрицы, Ерин был отправлен к генерал-прокурору князю Вяземскому с тем, чтобы он допросил его о желаниях казаков⁸³. Но прежде чем императрица могла узнать подробности всего происходящего в Яицком войске, большинство их депутатов было арестовано и отправлено в Петропавловскую крепость. Оставшиеся свободными не знали, что делать, и, наконец, Кирпичников, за отсутствием графа Григория Григорьевича Орлова, обратился к брату его Ивану Григорьевичу с просьбой о покровительстве. Братья Орловы не были сторонниками распоряжений графа Захара Чернышева и относились к ним с иронией. «Захар и Иван Чернышевы, – писал лорд Каскарт графу Рошфору⁸⁴, – деятельны, тонки и хитры; способны запутать дело, но не руководить им».

Не сочувствуя графу Чернышеву и его поступкам, граф И.Г. Орлов дал Кирпичникову письмо к Дурново и советовал отправиться на Яик, не являясь в Военную коллегию⁸⁵.

– С этим письмом, – прибавил граф, – вас пропустят куда хотите.

Кирпичников так и поступил: он достал копию с высочайшего указа капитану Дурново, взял с собой письмо графа Орлова и, оставив в Петербурге сотника Горохова, сам с остальными товарищами, избежавшими ареста, отправился в Яицкий городок, где в то время волнение казаков и их неудовольствие достигло крайних пределов.

Через пять дней по отправлении Давыдовым и Дурново донесения в Военную коллегию, и именно 30 марта 1771 года, писарь духовного правления Мостовщиков явился к войсковому атаману Тамбовцеву и объявил, что непослушной стороны казак Иван Яганов говорил ему, что если будет собран круг и будут командировать казаков на службу, то 500 человек захватят пушки и пороховой погреб, а 500 будут около круга в резерве и учинят нападение на атамана со старшинами, на всех согласных, на генерал-майора Давыдова и на всю регулярную команду⁸⁶. Показания Мостовщикова были тотчас представлены Тамбовцевым следственной комиссии, в присутствии которой Мостовщиков подтвердил свое показание и заявил, что Яганов заперся и указал на казака Легошина, будто бы говорившего эти слова. Легошин, по обыкновению, отпирался, но после священнического увещания Яганов признался в том, что действительно слова эти он говорил. Не довольствуясь этим признанием и желая отыскать главных участников заговора, Давыдов и Дурново приступили к расспросам с пристрастием, на которых Легошин объявил, что о намерении войска говорили сотники Горохов, Герасимов, Кирпичников и Артикеев, казаки: Герасимов, Кабаев и Выровщиков и многие другие, а предприятие к тому злему намерению их было принято еще с самой Страстной недели⁸⁷. Комиссия не могла произвести дальнейшего следствия, потому что большинство названных лиц находилось вместе с Кирпичниковым в Петербурге, а остальные разбежались из городка по своим хуторам.

⁸³ Письмо дежурного генерал-адъютанта графа К. Разумовского кн. Вяземскому 28 декабря 1771 г. // Гос. архив, VII, д. № 2331.

⁸⁴ В письме от 31 декабря 1770 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 163.

⁸⁵ Показание Кирпичникова.

⁸⁶ Экстракт, приложенный к рапорту Дурново // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 23.

⁸⁷ Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 23.

В это время генерал Давыдов получил подтверждение Военной коллегии и ордер оренбургского губернатора о скорейшем командировании команды в Кизляр. 22 июня он собрал войсковой круг, но совершенно безуспешно. Представители казаков непослушной стороны заявили, что выбор атамана и прочих походных старшин в ту команду следует отдать на волю войска, а когда непослушные казаки потребовали, чтобы прежде командирования команды в Кизляр была произведена всему войску перепись, то Логинов просил атамана ввиду этой переписи командировку отложить до другого круга. «От чего, доносила войсковая канцелярия Военной коллегии, и больше разврат сделался, и казаки наисильнейше о переписи просить стали, а без того командировку сделать отrekliсь».

Военная коллегия предписала произвести следствие по этому делу, но еще до получения этого предписания генерал-майор Давыдов, будучи назначен губернатором в Белгород, 19 октября отправился к месту назначения. Вместо него был назначен из Оренбурга генерал-майор фон Траубенберг, который прибыл в Яицкий городок только 30 декабря, а до того времени «находился я, – доносил Дурново, – почти без всякого дела»⁸⁸.

Вновь назначенный председатель следственной комиссии был человек решительного характера, близко знакомый со всем происходившим на Яике и недовольный казаками за то, что они не выслали в его отряд команды для преследования калмыков. Генерал-майор фон Траубенберг начал свою деятельность с того, что наказал плетьюми семь человек казаков, оказавших наибольшее сопротивление в командировании команды в Кизляр, приказал обрить им бороды и, под конвоем одного сержанта и 12 рядовых, отправил в Оренбург для определения в регулярную службу. Казаки войсковой стороны решились отбить их и освободить из неволи. Верстах в 40 от городка, казаки в числе до 300 человек конных напали на конвой, «с превеликим криком», успели отбить шесть человек, а седьмого, «насилу отстреливаясь, сержант с командой удержал и привез обратно в городок»⁸⁹.

Несмотря на открытое сопротивление казаков, генерал-майор Траубенберг все-таки настаивал на отправлении команды в Кизляр и собирал несколько кругов, но сотники и казаки войсковой стороны в круга не ходили, отзываясь, что они ожидают прибытия из Петербурга челобитчиков, сотника Кирпичникова с товарищами, и до их прибытия никакого наряда не сделают. Опасаясь преследований, казаки разбрелись по хуторам и «в городке находилось очень мало, а некоторые хотя и были, но, однако же, в домах под укрывательством»⁹⁰.

Наконец 9 января в Яицком городке получено было известие, что депутация с Кирпичниковым во главе подъезжает к городку. Казаки огромными толпами, с женами и детьми, отправились на встречу. В то время еще не были прекращены меры предосторожности от чумной заразы, и потому Траубенберг и Дурново отправили двух офицеров с подлекарем для осмотра прибывших и задержания их в карантине. Но едва только депутация показалась в виду города, как была окружена более чем пятьюстами казаков, так что о карантине нечего было думать, и большинство прибывших в тот же день отправилось в город⁹¹.

– Что велено Дурново исполнить? – спрашивали казаки.

– Велено учинить в силу указов, – отвечал Кирпичников.

В тот же день он явился к Дурново и передал ему запечатанное письмо графа Орлова.

– В ожидании возвращения депутатов, – говорил Дурново Кирпичникову, принимая от него письмо, – войско целый год не отправляет команды в Кизляр, несмотря на высочайшее повеление и неоднократные подтверждения Военной коллегии. Поэтому, если вы просили об

⁸⁸ Там же, л. 15. Все, что сказано об этом времени в статье «Яицкое казачество» (Русский вестник, 1864, № 8), неверно.

⁸⁹ Всеподданнейший рапорт Дурново, августа 1772 г. // Военно-ученый архив, д. № 104, л. 15.

⁹⁰ Рапорт прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу от 22 января 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

⁹¹ Там же.

отмене той команды и она не отменена, то растолкуйте войску, что должно отправить ее немедленно.

– Мне нет до этого дела, – отвечал Кирпичников, – а что войско хочет, то пусть и делает.

На другой день Кирпичников отправился в Кабанкину улицу⁹², в дом отставного казака Прокофия Толкачева, где был встречен огромной толпой казаков.

– Что привез нам из Петербурга? – спрашивали они.

– Ничего, кроме письма от графа Орлова к капитану Дурново, – отвечал Кирпичников. – На поданную нами челобитную никакой резолюции не последовало, и для получения ее оставлено в Петербурге пять человек казаков при сотнике Горохове.

Казаки призадумались, не зная, что предпринять и на что решиться.

– Все это делает граф Чернышев, – говорили Кирпичников и приехавшие с ним казаки, – государыня того не ведает, а всегда велит нам удовольствие делать. Если мы за себя не постоим, то граф и всех нас с детьми изведет, ибо и генерал [Траубенберг] прислан от него же, без ведома государыни и наемный старшинами. Ежели мы не уступим, то государыня почтет это себе за удовольствие, ибо она, ведая, что граф все мудрствует, о вотчине своей весьма сожалеет.

Единственно, чем мог похвастаться Кирпичников пред казаками, – это копиями с указов об отрешении старшин и с данного на имя Дурново⁹³. Копии эти были тотчас же прочтены вслух казаком Гоманом Котятковым, и собравшиеся решили послать к Дурново с просьбой, чтоб он отрешил старшин⁹⁴.

– Если на третий день посылке, – сказал Кирпичников, – старшин не отрешат, положенного штрафа не взыщут и войско жалованьем не удовлетворят, то поступим воинским отпором.

Между тем генерал-майор Траубенберг, узнав, что с приездом Кирпичникова казаки устраивают сходки и собираются большими толпами, что Кирпичников распускает слух, будто привез с собой указ об отрешении судей войсковой канцелярии и об удовлетворении войска жалованьем⁹⁵, отправил к нему Петра Копеечкина с двумя казаками спросить, есть ли у него действительно такой указ?

– Указа нет, – отвечал Кирпичников.

– Велишь ли ты круг делать? – спросили посланные.

– Я не атаман.

– Ты хоть и не атаман, однако ж тебя все войско слушает, и больше чем атамана.

– Я иду в баню, – отвечал Кирпичников, – и в ваши дела не мешаюсь.

Переговоры эти были дословно переданы Траубенбергу⁹⁶, который, будучи удивлен таким ответом и снисходя на просьбы старшин и послушных казаков, желавших видеть Кирпичникова в войсковом кругу для того, чтоб он объявил им, с чем приехал, отправил старшину и депутата Ивана Окутина с приказанием Кирпичникову явиться в войсковую канцелярию и объявить, что последовало по челобитью их? Но как только Окутин пришел на двор и стал стучаться в дверь, Кирпичников с криком и бранью выскочил из избы и столкнул Окутина с крыльца.

– Разве тебе этого хочется? – кричал Кирпичников, схватившись за саблю. – Покуда жив, иди лучше прочь.

Он приказал бывшим в его доме казакам прогнать Окутина со двора, что и было исполнено. Тогда Траубенберг послал вторично Окутина, дьяка Суетина, старшину Мартемьяна

⁹² Известна была также под именем Толкачевой улицы.

⁹³ Показание Кирпичникова // Московский архив Главного штаба, оп. 93, св. № 492; Описание мятежа, происшедшего в Яицком городке, сделанное старшиной Бородиным // Гос. архив, VI, д. № 505.

⁹⁴ Показание сотника Ивана Портнова.

⁹⁵ Описание мятежа, происшедшего в Яицком городке, сделанное старшиной Бородиным // Гос. архив, VI, д. № 505.

⁹⁶ Записка Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 272.

Бородин, сотника Копняева, казака Копеечкина и с ними казаков, чтоб они уговорили Кирпичникова и растолковали ему, что так своевольничать нельзя, и привели его в войсковую канцелярию. Жена Кирпичникова, говоря, что мужа ее нет дома, заперла за собой двери, но посланные, не веря ее словам, стали ломиться в дом, от чего и произошел шум. На этот шум сбежались сначала соседи, а потом стали останавливаться и проходящие казаки, так что когда посланные вышли со двора, то были встречены толпой непослушных казаков, человек до ста, которые стали их ловить «под свой караул». Произошла свалка: казаки ловили друг друга, и Бородин принужден был обнажить саблю, чтобы пробиться сквозь толпу⁹⁷.

Обе стороны захватили пленных и развели их в разные стороны. Трое казаков были захвачены старшинской стороной и на аркане приведены к генерал-майору Траубенбергу, который приказал атаману высечь их плетью у войсковой избы и посадить под караул. Происшествие это быстро разнеслось по городу, и войско считало себя глубоко оскорбленным старшинами и их партией. Собравшись огромной толпой в Толкачевой улице, которая пролегала вдоль реки Яика, и расположившись на ее берегу, казаки толковали о происшедшем, как вдруг заметили сотника Копняева и казака Копеечкина, возвращавшихся домой из войсковой канцелярии. Некоторые казаки обратились к ним с словами укоризны.

– Для чего вы со старшинами, – говорили они, – причиняете такие обиды и увечите войсковых казаков?

Копняев и Копеечкин оправдывались, а между тем окружающая их толпа росла и, будучи недовольна ими за измену⁹⁸, решалась захватить их в свои руки. После довольно значительных побоев Копняев и Копеечкин были отведены в дом Толкачева, брошены в «студеный погреб», где и содержались под караулом. Имея в своих руках заложников, войсковая партия послала к Дурново казака Савелия Чиганахаева с товарищем просить, чтоб он освободил войсковых казаков и решил дело о старшинах по силе именного указа. Депутаты были задержаны, законаны в железо и посажены под караул, а казакам послано приказание выпустить Копняева и Копеечкина. Озлобленные задержанием своих посланных, казаки отправили еще двух, с просьбой выпустить войсковых казаков и с обещанием освободить тогда Копняева и Копеечкина. Дурново задержал и арестовал и этих посланных. Тогда войсковые казаки, собравшись значительной толпой, расставили по улицам свои пикеты, человек по пятьдесят, и всех выходивших на улицу послушных забирали, били и сажали под караул. Вместе с тем сотники разослали повестку, чтобы войсковые казаки, не только находящиеся в Яицком городке, но по хуторам и на форпостах, все, не исключая отставных и малолетних, собирались в Толкачеву улицу для совещаний⁹⁹.

Со всех сторон стекались непослушные казаки; «чем далее, то их более собиралось, и Кабанкина [Толкачева] улица, равно как и другие близлежащие улицы, дворы и избы, все ими были наполнены. Которые же к ним в собрание идти не хотели, тех всячески страшили, силой и страхом к себе привлекали, обманывая привезенным будто бы Кирпичниковым именным указом, напоминая при этом, что те, кои на их предприятие не согласятся, явные будут преступники и нарушители того указа. Многие верили таким рассказам и увеличивали собой толпу недовольных».

Сбор казаков в Толкачевой улице заставил генерал-майора Траубенберга принять серьезные меры, и он было решил собрать возле себя регулярную команду¹⁰⁰ и послушных казаков,

⁹⁷ Чтения в Обществе истории и древностей, 1859, кн. III, с. 112; Записка Бородин // Гос. архив, VI, д. № 505.

⁹⁸ Копняев и Копеечкин принадлежали прежде к войсковой стороне, но потом «прилепились для прокормки к старшинам и наносили на войско разные плевелы».

⁹⁹ Рапорт прапорщика Евтюгина Рейнсдорпу от 22 января 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудит, экспед., оп. 93, св. 492.

¹⁰⁰ Регулярная команда в Яицком городке состояла из 100 человек Алексеевского пехотного полка и из прислуги при 30 орудиях, принадлежащих войску.

с тем чтобы половину их оставить при орудиях, а другую послать разогнать непослушных. Но как регулярной команды оказалось всего 70 человек, а послушных казаков набралось не более 50 человек, то атаман с старшинами просили Траубенберга отменить посылку команды против непослушных, число которых доходило до тысячи человек.

– Они по большей части, – говорил Тамбовцев, – сидят с заряженными ружьями по дворам, а улицы тесны; если вступить в улицы, они могут из окон перестрелять всю команду.

Отменив первоначальное решение, Траубенберг приказал как регулярной команде, так и послушным казакам быть при войсковой канцелярии в совершенной готовности и вооруженными. Видя, что взаимная ненависть двух партий все более и более усиливается, послушные казаки стали собираться возле войсковой избы, потихоньку проскользая между расставленными пикетами, «а иные провозимы были женами в санях, покрытые сеном и прочим». Таких сторонников-старшин собралось до 200 человек, а между тем Траубенберг отправил офицера уговорить собравшихся в Толкачевой улице, чтобы они разошлись по домам и освободили сотника Копняева с товарищами, и если кому есть в чем надобность, то пусть каждый сам о себе, а не сборищем приходит просить безо всякого опасения. Если же имеют общественные нужды, говорил Траубенберг, то приходили бы в войсковой круг, и законная просьба их будет тотчас же исполнена¹⁰¹. Казаки отвечали, что они не имеют никакого злого намерения, но что они единогласно просят Дурново, чтоб он решил их тяжбу со старшинами.

– Скажите ему, – говорили казаки, – чтобы по силе указа исполнял бы в самой скорости, а генерал бы с командой ехал из городка вон: нам-де дела до него нет.

Дурново отвечал, что скорое решение дела зависит от самих казаков.

– Ежели изберут поверенных для счета книг, – говорил он, – и для доказательства виновности старшин, то дело будет окончено в самой скорости.

Дурново старался убедить представителей недовольных, что товарищи их поступают дурно, собираясь самовольно вооруженной толпой, и просил их разойтись по домам, но казаки не расходились. Напротив, как только узнали они, что Дурново не намерен уступить общему желанию видеть старшин смененными и публично прочесть данную ему инструкцию, положили идти к нему на следующий день всем войском, «потому что если им просить о решении своего дела малым числом людей, то он, по наущению старшин, пересажает под караул, может, и половину войска».

– Ведь почему нам знать, что у них на уме, – говорили казаки.

Неудовольствие было настолько возбуждено, что многие в ожидании утра, несмотря на сильный мороз, ночевали на улице под открытым небом.

Наконец наступило утро 13 января 1772 года. Толкачева улица была полна народа; здесь были служащие и отставные казаки, малолетки, жены и дети; одни были вооружены ружьями, другие палками, иные на конях, но большинство пешком; все шумело и кричало. Траубенберг спрашивал Дурново: что делать? «Прежде было полагали мы, – доносил последний¹⁰², – чтоб взять сколько возможно будет пушек и выйти с командой из городка вон; но как по причине зимнего времени и глубоких снегов маршировать с пушками по степи никакого способа не было и послушных казаков жены и дети остались бы их злодейству на жертву, а дома на расхищение и показана бы была чрез то им робость и повод к пушей дерзости, – почему и рассудили остаться на месте в городке, укрепись сколь возможно в улицах подле войсковой канцелярии и, если будет нападение, защищаться».

Расставив по разным местам пушки, так чтоб они могли стрелять вдоль улицы, а за ними регулярную команду и согласных казаков, Траубенберг отправил посланного в Оренбург с

¹⁰¹ Записка Бородина // Гос. архив, VI, д. № 505; Записка Маврина // Памятники новой русской истории, ч. II, с. 274. Всеподданнейший рапорт Дурново // Военно-ученый архив, д. № 104, л. 16.

¹⁰² Во всеподданнейшем рапорте – Военно-ученый архив, д. № 104, л. 16.

донесением, что казаки бунтуют, и просил помощи. Оренбургский губернатор генерал Рейнсдорп командировал сначала эскадрон драгун и роту пехоты, а потом еще роту пехоты, но они не успели вовремя и принуждены были остановиться в Илецком городке¹⁰³.

События шли быстро, и обстоятельства изменялись с каждым часом.

В Толкачевой улице толпа народа становилась гуще и гуще; но казаки, огромной волной передвигаясь с места на место, все еще не знали, на что решиться, как вдруг среди собравшегося народа пронесся слух, что у казачки Анны Глуховой есть чудотворный образ Спасителя, который во время бывших напастей рыдал.

– Первый раз, – говорила Анна Глухова, – он плакал пред тем случаем, когда генерал Черепов был в Яике и команда его побила из ружей нескольких человек казаков до смерти и множество переранила; другой раз, когда из войска требования были казаки в легионную службу и войско противилось дать, отчего многие были мучены побоями и тюрьмой.

По словам Анны Глуховой, образ Спасителя плакал и теперь. Она же сообщила, что у казачки Бирюковой есть еще явленная Владычица Одигитрия, которая в доме у них более ста лет и старинного рукописания¹⁰⁴.

– Сколь давно находится у нас в доме явленный образ Богоматери, – говорила Маланья Бирюкова, – я не знаю, а слышала от мужа своего, что он был у нас еще при его деде, который лет двадцать умер. Найден оный образ на бухарской стороне, на Синем сырту, в степи, упомянутым дедом, ездившим туда с прочими казаками для отыскания потерявшихся лошадей. Потому что найден в таком пустом, а притом еще и азиатском месте, он признан был за явленный. Чудес от него никаких я не видала, да и прежде, чтоб оные когда были, ни от кого не слыхала. Однако же многие из здешних жителей для моления берут сей образ к себе в дома и временем дают приклад.

Предпринимая решительный шаг, казаки тотчас же подняли образа и принесли их в церковь Петра и Павла¹⁰⁵. Пока ходили за образами, коноводы недовольных отправили от себя к Дурново попа Михаила Васильева с объявлением, что войско идет пасть к его ногам и просить, чтоб он исполнил высочайшее повеление. В ожидании ответа народ ринулся от дома Толкачева и, пройдя с версту, остановился у Петропавловской церкви. Траубенберг отправил старшину Федора Митрясова для осмотра толпы и определения числа ее. Митрясов донес, что собралось множество казаков и идут вооруженными¹⁰⁶.

Все говорило о близкой развязке. Траубенберг приказал зажечь фитили и войскам быть готовыми ко всякого рода случайности.

Между тем священник Михаил Васильев скоро возвратился к казакам и объявил, что Дурново обещал дней через десять исполнить их просьбу и приказывал им разойтись по домам. Опасаясь, что Дурново не исполнит своего обещания и дело затянется, казаки вторично отправили к нему священника Михаила, который, встретившись на базаре с отставным казаком Михаилом Усом, просил его сходить к священнику Кирсановской церкви Степану Афанасьеву и пригласить его отслужить молебен по желанию всего народа. Ус исполнил поручение, а священник Васильев, увидя Шигаева, впоследствии деятельного сообщника Пугачева, взял его к себе в товарищи и отправился с ним к Дурново.

– Зачем пришли? – спросил Дурново посланных.

¹⁰³ Рапорт Рейнсдорпа Сенату 25 января 1772 г.

¹⁰⁴ Показания Анны Глуховой и Маланьи Бирюковой // Гос. архив, VI, д. № 505.

¹⁰⁵ Посланный за чудотворным образом Спасителя, церковный староста Сысой Попов показал, что образ был действительно принесен им в Петропавловскую церковь, причем старухи объявляли, «что из глаз Спасителей еще на дому усмотрены ими текущие слезы, почему и он из любопытства в то же самое время на образ смотрел, но слез текущих не было, а только от глаз видны были маленькие дорожки, наподобие как бы маслом каким намазанные» // Гос. архив, VI, д. № 505.

¹⁰⁶ Из рапорта Сакмарской станицы атамана Данилы Донского генералу Рейнсдорпу от 17 февраля 1772 г. // Московский архив Главного штаба, по аудиторской экспедиции, оп. 93, св. 492.

Шигаев, поклонившись в ноги, со слезами просил исполнить все по указу.

– Пусть войско разойдется по домам, и я, конечно, удовлетворю их желание дней через семь, а много через десять.

– Войско просит, – говорил Шигаев, – сделать им эту милость сегодня.

– Нельзя.

– Как же, батюшка, быть? Войско сомневается в этом; не можно ли вам сесть на коня и, подъехав к войску, подтвердить ваше обещание?

– Да, благодарствую, – отвечал Дурново, – может, вы меня же и уходите; нет, ведь я велик у государыни-то!

С этими словами Дурново отошел в сторону, а посланные остались с атаманом Тамбовцевым, старшинами Суетиным и Бородиным. Поп Михаил говорил с атаманом, а Шигаев – с Суетиным и Бородиным. «Шигаев кланялся им в ноги и просил, чтоб они смилосердились; а напротив того, и они ему низко кланялись и называли его именем и отчеством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.